

Юкио Мисима
Перевод с японского Г. Чхартишвили

Маркиза де Сад

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маркиза Рене де Сад
Госпожа де Монтрей, ее мать
Анна, ее сестра
Баронесса де Симиан
Графиня де Сан-Фон
Шарлотта, горничная г-жи де Монтрей.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

Действие первое - осень 1772 г.
Действие второе - позднее лето 1778 г.
Действие третье - весна 1790 г.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Париж.
Салон госпожи де Монтрей

Действие первое

ГРАФИНЯ ДЕ САН-ФОН (в платье для верховой езды, с хлыстиком в руке, раздраженно ходит по сцене). Пригласила, называется! "Будьте так любезны, дорогая графиня, загляните ко мне, когда будете возвращаться с прогулки". Уж

так упрашивала! Никогда у нее не бывала, но тут решила - ладно, заеду. И что же? Она еще заставляет меня ждать!

БАРОНЕССА ДЕ СИМИАН. О, не судите госпожу де Монтрей слишком строго.

Она совершенно раздавлена тем, что случилось с ее зятем.

ГРАФИНЯ. Вы имеете в виду ту историю трехмесячной давности?

БАРОНЕССА. Время не облегчило ее страданий. Да и потом, мы же еще ни разу не виделись с госпожой де Монтрей с тех пор, как случилось... ну, это самое.

ГРАФИНЯ. "Это самое"! Вечно мы стыдливо опускаем глазки, говорим "это самое" и со значением улыбаемся. А всего дел-то. (Красноречиво щелкает хлыстом.)

БАРОНЕССА (смущенно прикрывает лицо рукой). Сударыня, как вы можете! (Крестится.)

ГРАФИНЯ. Ну да, тут, конечно, полагается перекреститься. И все довольны. А каждый в глубине души смакует это самое. Что, не так? Или вы, госпожа де Симиан, может быть, пребываете в неведении?

БАРОНЕССА. Я ничего-ничего не знаю.

ГРАФИНЯ. Так я вам и поверила.

БАРОНЕССА. Я помню Альфонса еще маленьким мальчиком. Каким очаровательным златокудрым ребенком он был! А гадостей я не желаю ни видеть, ни слышать - закрываю глаза и затыкаю уши.

ГРАФИНЯ. Ну, как угодно. Зато уж я постаралась за эти три месяца разузнать все как можно подробнее и точнее. Ушки затыкать будете?

Де Симиан вздрагивает.

Ну, что же вы? (Щелкает хлыстом.) Уши-то прикройте. (Кончиком хлыста щекочет баронессе ухо. Та поспешно прикрывает уши)

ладонями.) Вот так,
отлично... Итак, три месяца назад, а точнее 27 июня, наш
дорогой Донасьен
Альфонс Франсуа маркиз де Сад в сопровождении своего слуги
Латура отправился
в Марсель и утром одного чудесного дня на квартире у некой
Мариетты Борелли,
на четвертом этаже, собрал четырех девиц. Там были сама
Мариетта, двадцати
трех лет, Марианна, восемнадцати лет, Марианетта и Роза -
обе двадцати
лет... Натурально, все - шлюхи.

Де Симиан, по-прежнему прижимающая ладони к ушам,
вздрагивает.

Ой, вы, оказывается, все слышите! Должно быть, глазами?..
Маркиз де Сад
в этот день был в пепельно-сером камзоле на голубой
подкладке, в шелковом
жилете апельсинового цвета и того же оттенка панталонах. На
его, как вы
изволили выразиться, златокудрой голове красовалась шляпа с
перьями, на боку
висела шпага, а в руке маркиз держал тросточку с
круглым золотым
набалдашником. Он вошел в комнату, где его уже ожидали
вышепоименованные
девицы, зачерпнул из кармана горсть луидоров и объявил, что
право первенства
будет принадлежать той из дам, кто угадает, сколько в его
руке монет.
Угадала Марианна. Маркиз велел ей и Латуру остаться, а
прочих девиц выставил
до поры до времени за дверь. Затем уложил Марианну и слугу
на постель. В
одну руку взял кнут и принялся хлестать девицу (снова
щелкает хлыстом), а
тем временем другой рукой стал... вот этак вот... возбуждать
лакея.
Представляете - одной рукой нахлестывает (помахивает
хлыстом), другой -
лакею...

БАРОНЕССА. Боже милостивый! (Крестится и бормочет молитву.)

ГРАФИНЯ. Самое время перекреститься. Заодно и слышно будет получше.

Де Симиан в смятении снова затыкает уши.

С другой стороны, не креститься - душу грехом отягощать.

Баронесса испуганно крестится.

Пожалуй, лучше уж слушать - я полагаю, Господь не обидится.

Баронесса, смирившись, слушает.

Продолжим. Во время всей этой сцены Альфонс величает слугу "господином маркизом", а себя велит звать "лакеем". Затем он отсылает слугу, извлекает из кармана хрустальную раззолоченную бонбоньерку и предлагает девице отведать ароматных конфеток. Когда та съедает их изрядное количество, маркиз сообщает, что это - средство для испускания дурных газов.

БАРОНЕССА. Ой!

ГРАФИНЯ. На самом же деле это были любовные пилюли. Знаете, берется сушеный песочный жук, смешивается с толченой шпанской мушкой...

БАРОНЕССА. О Господи, да откуда же мне такое знать!

ГРАФИНЯ. А жаль, вам не помешало бы хоть изредка употреблять это зелье. Марианна, например, слопала штук семь или восемь. Тогда маркиз...

БАРОНЕССА. Неужели он еще что-то натворил?

ГРАФИНЯ. Тогда маркиз говорит: "Сделай для меня кое-что, получишь луидор".

БАРОНЕССА. А что?

ГРАФИНЯ. А это самое, которое вы так обожаете... Смотрите-ка, видите вон ту статую Венеры посередине двора? Как сияют на солнце

ее белоснежные
мраморные бедра! Если я не ошибаюсь, перед тем как солнце
уйдет за верхушки
деревьев, его последний луч должен как раз падать статуе на...
Угадайте на
что?

БАРОНЕССА (подумав). А! Я знаю! Знаю! Прямо на
сатанинское место!..

Грех какой. Да за такое на костре жгли...

ГРАФИНЯ. Ну, мы отвлеклись. Наш Альфонс вручил
девице зловещего вида
кнут, утыканный шипами и весь бурый от засохшей крови, -
очевидно, кнутом
пользовались неоднократно, - и велел хлестать его.

БАРОНЕССА. Ага, видите, в нем все-таки проснулось
раскаяние! Он
возжаждал кары, пожелал изгнать из себя беса!

ГРАФИНЯ. О нет, просто собственное страдание - в силу
своей несомненной
достоверности - доставляет маркизу еще больше
наслаждения, чем мучить
других. У Альфонса необычайная страсть к достоверности...
Затем настал черед
Мариетты. Сей девице маркиз велел раздеться догола и встать
на четвереньки
подле кровати. Для избежания на этот раз он избрал
обыкновенную метлу, а
вдоволь натешившись, приказал Мариетте той же метлой
поколотить и его
самого. Пока она старалась, маркиз ножичком делал на стене
засечки: двести
пятнадцать ударов, потом еще сто семьдесят, потом двести
сорок. Итого
получилось...

БАРОНЕССА. Восемьсот пятьдесят.

ГРАФИНЯ. Альфонс всегда любил математику. Утверждал,
что лишь в ней
есть подлинная достоверность и что если достичь поистине
больших чисел, то
порок обращается благодатью.

БАРОНЕССА. Как можно соединять порок и благодать?

ГРАФИНЯ. Благодать, по маркизу де Саду, можно обрести
лишь преумножая

достоверное, и она, благодать, непременно должна ощущаться всеми органами чувств. Это не та благодать, коей тщетно дожидаются ленивцы и лежебоки. Вот в Марселе маркиз и приложил максимум стараний. Вернув в комнату лакея, он пустился с ним и Мариеттой в многотрудное плавание по океану наслаждений. Втроем они изобразили некое подобие трехпалубной галеры и дружно заработали веслами. А в небе еще пламенели кровавые краски рассвета - утро ведь только начиналось.

БАРОНЕССА. Наслаждение было таким многотрудным, очевидно, оттого, что по утрам человеку пристало трудиться в поте лица своего.

ГРАФИНЯ. Нет, милая, утренний час - время молитвы, поэтому труды маркиза скорее следовало бы уподобить богослужению.

БАРОНЕССА. Ох, гореть вам в геенне огненной.

ГРАФИНЯ. Спасибо на добром слове. Следом за Мариеттой настал черед Розы. Снова кнут, снова лакей, затем тройственные вариации, напоминающие тасование карточной колоды. Потом Альфонс призвал последнюю девицу, Марианетту, и все повторилось: свист кнута, сладкие конфетки из сушеного жука и так далее. В общем, все утреннее богослужение прошло сопровождаемое криками боли и стонами наслаждения. По завершении церемонии маркиз вручил каждой девице по шесть серебряных монет и распрощался с ними.

БАРОНЕССА. Ну наконец-то!

ГРАФИНЯ. О, не спешите. Отпустив девиц, маркиз прилег отдохнуть, желая восстановить форму перед послеполуденными забавами.

БАРОНЕССА. Как, были еще и послеполуденные?

ГРАФИНЯ. Де Сад спустил жалюзи на окнах, обращенных к морю, и уснул безмятежным, детским сном. Это было невинное забытье, не отягощенное

никакими мрачными видениями. Он словно погрузился в мягкий прибрежный песок, где мирно соседствуют обломки кораблекрушения, осколки раковин, высохшие водоросли и выброшенные волнами дохлые рыбешки... Белая грудь маркиза ровно вздымалась во сне, и на ней лежали полосы золотого июньского солнца, просеянного сквозь жалюзи.

БАРОНЕССА. Так что же случилось во второй половине дня?

ГРАФИНЯ. Как вы нетерпеливы. На закате маркиз, сопровождаемый верным Латуром, отправился на поиски новой подруги, которой стала двадцатипятилетняя шлюшка по имени Маргарита. Де Сад последовал за ней до ее жилища, лакею на сей раз позволил удалиться, а Маргариту принялся угощать конфетами из своей хрустальной бонбоньерки.

БАРОНЕССА. Той самой отравой, да?

ГРАФИНЯ. Любовные пилюли, сударыня, - это вовсе не отравы. Девица съела штук пять или шесть, а маркиз все подкармливает. И спрашивает ласковым таким голосом: "Как животик, не болит?"

БАРОНЕССА. Он затеял игру в доктора?

ГРАФИНЯ. Последовало это самое. Ну, разумеется, забавы с кнутом... На рассвете Альфонс уселся в карету, запряженную четверкой лошадей, и отбыл из Марселя в свой замок Лакост. А дня через два девицы, его подружки, взяли да и отправились к судье. И все как есть рассказали. Не подозревали, бедняжки, что чистосердечное признание не сильно облегчит и их собственную участь.

Входит Шарлотта, горничная.

ШАРЛОТТА. Мадам просит извинить за то, что заставила вас ждать. Она сию минуту будет здесь.

ГРАФИНЯ. Передай ей, что это было остроумно - свести

вместе меня и
баронессу де Симиан.

ШАРЛОТТА. А?

ГРАФИНЯ. Вавилонская блудница и святая дева.
Сочетание во вкусе ее
зятя. Bravo!

ШАРЛОТТА. Чего? (В замешательстве, хочет уйти.)

ГРАФИНЯ. Куда же ты, Шарлотта? Эта негодная прежде
служила у меня, а
потом сбежала, теперь живет у госпожи де Монтрей. Ты ведь
все про меня
знаешь, все мои секреты, а? Обо мне и так уж повсюду болтают
Бог весть что,
называют прислужницей сатаны. Правда, я, в отличие от
маркиза, не увлекаюсь
кнутами и бонбоньерками, но на Острове Любви и в самом
деле не осталось
такой лужайки, где бы я не примяла травку. Госпожа де
Монтрей не ошиблась в
выборе. Ведь я столь близко к сердцу принимаю все, что
касается этого
самого, - лишь такая, как я, способна без лишних слов понять
душу маркиза.
Именно на это рассчитывала твоя госпожа, верно? Раньше она
и на порог бы
меня не пустила, опасаясь замараться, а тут вдруг такое
гостеприимство...

БАРОНЕССА. Не стоит думать о госпоже де Монтрей так
скверно. Она совсем
отчаялась и готова молить о помощи кого угодно - хоть Бога,
хоть дьявола.
Так давайте поможем ей - я, как вы выразились, в качестве
святой девы, а вы
- в качестве вавилонской блудницы.

Входит г-жа де Монтрей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Я заставила вас так долго ждать - ради
Бога, простите.
Графиня де Сан-Фон, баронесса де Симиан, вы так добры, что
откликнулись на
мою просьбу. (Жестом отсылает Шарлотту.) Вы ведь, графиня,
возвращаетесь с

конной прогулки?

ГРАФИНЯ. Сегодня моя лошадь словно взбесилась. Никогда с ней такого не было. Я уж ее и хлыстом, и шпорами - она ни в какую, так и пышет огнем. Мой берейтор сказал, что я была похожа на древнюю амазонку. А как, должно быть, вспыхивала на солнце золотая насечка моего седла, когда лошадь вставала на дыбы...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О, я восхищаюсь вашим мужеством. Одна из моих лошадей так норовиста, я просто не знаю, что с ней делать.

ГРАФИНЯ. Какая же это? Иноходец или та, белая? Не удивляйтесь, о лошадях я знаю все. Главная беда в конюхах. Эти бездельники только и знают, что за девками гоняться, а в остальное время просто дрыхнут. Чем выше положение человека, тем утонченнее его удовольствия. Возьмем, к примеру, вашего родственника. Происхождение его столь высоко, что он даже несколько перебарщивает по части утонченности. Маркиз, выражаясь фигурально, очищает заржавевшую кровь своих благородных предков, как чистит родовой меч или доспехи. Однако всю ржавчину из крови удалить не так-то просто, поэтому обнаженным женским телом он вынужден любоваться сквозь кровавые разводы...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Вы хотите сказать, что конюхи добродетельнее аристократов? В последнее время пороки дворянства действительно стали притчей во языцех, но лишь потому, что народ с давних пор привык считать своих господ образцом добродетели.

ГРАФИНЯ. Дело не в этом. Просто черни надоела добродетель, черни хочется вкусить порока, бывшего доселе привилегией аристократов.

БАРОНЕССА. Не нужно спорить, мы ведь пришли сюда не

для этого. Госпожа де Монтрей, все знают вас как даму самых строгих правил, безупречную во всех отношениях, никто и никогда не осмеливался говорить о вас дурно. Я очень хорошо понимаю, как вы должны страдать от выходок вашего беспутного зятя, но такова уж, видно, воля Божья. Расскажите нам все как есть. Уже одно это облегчит вашу душу, а мы с госпожой графиней не обманем вашего доверия.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это были прекрасные слова, госпожа де Симиан... Хотите верьте, хотите нет, но, когда моя дочь Рене выходила замуж за Альфонса, я нарадоваться не могла на своего будущего зятя. Я считала, что он, быть может, немного легкомыслен, но зато так умен, так остроумен, так любит Рене...

ГРАФИНЯ. К тому же благодаря этому союзу ваша семья приблизилась ко двору.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это само собой, но и без того я была просто очарована маркизом. Представляете, когда после свадьбы мы все жили в замке Эшофур, Альфонс ставил пьесы собственного сочинения, а мы с Рене в них играли...

БАРОНЕССА. О, как я вас понимаю. Альфонс с детства был очень добр и необычайно оригинален. Помню, как-то, гуляя по розарию, я занозила палец шипом розы и заплакала от боли. Альфонс вытащил занозу и был настолько мил, что поцеловал ранку.

ГРАФИНЯ. Выходит, его уже тогда привлекал вкус крови.

БАРОНЕССА (в сердцах). Вы из него делаете какого-то вампира!

ГРАФИНЯ. Все знают, что вампиры весьма милы и обходительны.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Не ссорьтесь, прошу вас. Альфонса можно осуждать

сколько угодно, но лучше он от этого, увы, не станет. В те самые счастливые дни, когда зять ставил с нами спектакли, он тайком частенько наведывался в Париж - я узнала об этом значительно позже - и... проводил там время... с женщинами определенной профессии...

ГРАФИНЯ. Вы хотите сказать, со шлюхами.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Вы, графиня, так решительны. Как лихо вы произнесли это словечко... Да, Альфонс распутничал именно с женщинами этого сорта. Все это было бы еще полбеды: в конце концов развратный зять - проблема внутрисемейная, и, кроме пересудов в обществе, опасаться, казалось бы, нечего. Однако через пять месяцев после свадьбы Альфонс угодил в Венсенскую тюрьму. Именно тогда я и узнала всю правду. О, какой это был кошмар! Я пустила в ход все свое влияние, тем временем моля Бога только об одном - чтобы Рене ни о чем не узнала. Через пятнадцать дней мне удалось добиться, чтобы зятя освободили. Я сделала это из жалости к дочери, уверяя себя, что Альфонс просто оступился по молодости. К тому же Рене так его любила... Уже потом, значительно позднее, стало ясно - то были не случайные грехи молодости, о нет!

БАРОНЕССА. Как я вас понимаю.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. И вот уже девять лет я только тем и занимаюсь, что спасаю доброе имя рода де Сад и честь моей бедной дочери, веду тяжкую борьбу без всякой надежды на победу. Я отказалась от жизненных радостей, истратила последние сбережения. Все мое время и все мои силы уходят на то, чтобы покрывать бесчинства, которые устраивает Альфонс. А чем мне помогла семья маркиза? Старый граф, его отец, измученный скандальным

поведением сына,
только ругался и сыпал проклятиями. Впрочем, его уж пять лет
как не стало...
Альфонс доставил мне неисчислимы страдания. Правда,
иногда из каких-то
потаенных глубин его души пробивался чистый родник
искренности и доброты. И
тогда мою жизнь озарял слабый луч надежды. Но родник
неизменно иссякал,
следовала новая безобразная выходка, и невозможно было
предугадать, когда
родник забьет опять... Мать маркиза жива, но от нее нет
никакой помощи. Это
весьма холодная, бесчувственная особа. Последние двенадцать
лет она живет в
монастыре. У нее громада фамильных бриллиантов, но она даже
ради свадьбы
собственного сына не согласилась продать хотя бы один...
Почему я должна
быть нянькой милому сынку этих милых родителей? То у него
скандальный роман
с той актриской, Колетт, и я сбиваюсь с ног, чтобы замять дело.
То, четыре
года назад, он устраивает дебош в селении Аркей, и я всеми
правдами и
неправдами добываю королевский указ о помиловании. Всего
семь месяцев - и
Альфонс на свободе. А какие средства ушли на то, чтобы
спрятать концы!

БАРОНЕССА. Что там случилось, в том селении?

Графиня выразительно щелкает хлыстом.

А-а, понятно.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (с горечью). Вы невероятно
проницательны, дорогая
графиня. Четыре года назад в селении Аркей этот человек
жестоко обошелся с
девушкой-нищенкой. По сравнению с последним скандалом это
был пустяк, но
беда в том, что моя дочь обо всем узнала. Ей открылось
подлинное, жуткое
лицо мужа. Рене так добродетельна, она так любила Альфонса.

Думаю, она и
пони не оправилась от удара. Ну а эта нынешняя история...
Я давно уже
отчаялась, но ради дочери... Да, на сей раз ради одной Рене я все-
таки хочу
попытаться спасти Альфонса... Однако этот случай переходит
все границы!
(Плачет.) Мои возможности исчерпаны, силы на исходе...

ГРАФИНЯ. Насколько я помню, герб де Садов изображает
орла с двумя
головами. Маркиз всегда держал обе головы своего орла высоко
поднятыми. Одна
голова - гордость древнего рода, восходящего к двенадцатому
столетию; другая
- порочные наклонности отпрыска этого рода. Вы, сударыня, в
течение девяти
лет постоянно пытались умертвить одну из этих голов, сохранив
другую. Боюсь,
задача оказалась непосильной. Пускай живут обе головы, - в
конце концов, они
растут из одного тела.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Альфонс болен! Если отвести от него
гнев людской,
одновременно приложив все усилия к его исцелению, Господь
рано или поздно
смилостивится, и счастливые дни еще вернутся. Так считает и
Рене.

ГРАФИНЯ. Но как убедить больного, что нужно излечиться
от недуга, если
недуг доставляет ему наслаждение? Болезнь маркиза сладостна,
вот в чем все
дело. Постороннему глазу недуг кажется ужасным, но за
острыми шипами
скрывается благоуханная роза.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Подумать только, ведь я уже очень
давно знала, куда
все это приведет! Я видела этот зловещий плод, ныне
наполненный ядовитым
соком, когда он был совсем зелен. Почему я не раздавила его еще
тогда?

ГРАФИНЯ. Полагаю, что, если бы вы его раздавили, маркиз
бы просто умер.
Видите ли, плод, о котором вы говорите, - это апельсин, в

котором вместо
сока - алая кровь Альфонса. Сударыня, мой авторитет в
области порока
необычайно высок, так что выслушайте меня со вниманием...
Порок - это целая
страна, в которой есть абсолютно все: хижины пастухов,
ветряные мельницы,
ручьи, озера. И не только идиллические детали ландшафта -
есть там и
глубокие ущелья, пышущие огнем и серой, есть дикие пустыни.
Вы найдете там
заброшенные колодцы и дремучие леса, в которых обитают
хищные звери... Вы
следите за моей мыслью? Это поистине необъятная страна,
находящаяся под
покровительством небес. Что бы ни стряслось с человеком,
причины следует
искать там, в той стране... Я расскажу вам о своем детстве,
чтобы вы лучше
могли меня понять. Ребенком и даже позднее, уже девочкой-
подростком, я
смотрела на мир как бы через подзорную трубу, только
повернутую растром к
себе. (Показывает с помощью хлыстика.) Так научили меня
родители и все
окружающие. Так велит общественная мораль и
традиционное воспитание. Я
смотрела в эту перевернутую подзорную трубу и видела
очаровательные
крошечные газоны с зелененькой травкой, раскинувшиеся
вокруг нашего дома.
Моей детской душе было хорошо и спокойно от этого
невинного, игрушечного
пейзажа. Я верила, что, когда вырасту, газоны просто станут
пошире, травка
повыше, а я буду жить так же, как все вокруг, - счастливо и
безмятежно... И
вдруг, сударыня, в один прекрасный день со мной происходит
нечто. Без
всякого предупреждения, без малейшего намека - просто
приходит, и все.
Внезапно осознаешь, что смотрела на мир не так, что,
оказывается, глядеть-то

надо не в большое окошечко, а в маленькое. И все в твоей жизни
переворачивается. Я не знаю, когда это открытие сделал
господин маркиз, но
был и в его жизни такой день, наверняка был. Неожиданно его
взору открылось
всякое разное, о чем он и не подозревал. И он увидел, как из
далеких
расщелин поднимаются языки желтого пламени, заглянул в
кровоаво-красную
клыкастую пасть зверя, высунувшегося из чаши. И он
понял: его мир
безграничен, и есть в этом мире все. Абсолютно все. И потом
ничто уже не
способно было удивить маркиза... А марсельская история - что
же, совершенно
невинный эпизод: мальчик, играя, оборвал бабочке крылья,
только и всего.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Все равно я ничего в этом не
пойму, как бы
красноречиво вы ни объясняли. Так, потеряв голову, я мечусь
уже который год
- то на запад, то на восток. Единственное, что доступно моему
пониманию, это
слово "честь"... Как вы, должно быть, знаете, Судебная палата
города Экс,
несмотря на все мои хлопоты, приговорила Альфонса к
отсечению головы, а
поскольку осужденный скрывается, то двенадцатого числа
прошлого месяца на
центральной площади Экса сожгли его портрет. Я была здесь, в
Париже, но мне
мерещилось, что я слышу радостные вопли черни и вижу, как
пламя пожирает
холст - смеющиеся глаза Альфонса, его золотые локоны...

БАРОНЕССА. Пламя ада выплеснулось на миг из
преисподней.

ГРАФИНЯ. Толпа, я полагаю, кричала: "Огня! Больше
огня!" Это сожжение -
полная ерунда. Их костер - пламя зависти. Черни никогда не
возвысится до
такого порока, вот она и завидует!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. "Больше огня!" А если этот крик

раздастся под окнами
моего дома? Мне говорили, что чернь поминала и наши с
дочерью имена.

БАРОНЕССА. "Больше огня"? Не бойтесь, это всего лишь
призыв к пламени
очищения. Теперь, когда портрет маркиза сожжен, его грехи
искуплены.

ГРАФИНЯ. "Больше огня"... Значит, языки пламени
хлестали по белым
холеным щекам маркиза, по его золотым волосам? Двести
пятнадцать ударов,
потом еще сто семьдесят девять... Стоит ли удивляться, что
портрет смеялся?
В наслаждениях маркиза есть что-то леденящее, огонь пришелся
весьма кстати.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Войдите в мое положение. Сюда, в
Париж, доходят вести
одна хуже другой. Где скрывается зять - неизвестно. Моя дочь
Рене льет слезы
в замке Лакост. А младшая, Анна - Анна Проспер де Лонэ... Она -
сама чистота
и свежесть. Девочка могла бы в эти страшные дни побыть с
матерью, один вид
ее личика помог бы мне забыть о зловещей тени, что легла на
наш род. И мы
отправились бы с ней вдвоем путешествовать, в какие-нибудь
мирные, красивые
края... Я так одинока. Не на кого опереться. Все мои усилия
тщетны. Я бы
воззвала к небесам, моля о помощи, но горло мое пересохло,
и нет сил
кричать. (Плачет.)

БАРОНЕССА. Сударыня, не падайте духом. Мужайтесь. Я
понимаю, зачем вам
понадобилась богомольная баронесса де Симиан. И я завтра же
отправлюсь к его
преосвященству кардиналу Филиппу, который, на счастье,
сейчас в Париже. Буду
умолять, чтобы кардинал написал в Рим, его святейшеству.
Папа заступится за
маркиза.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О, как я вам благодарна! У меня нет
слов... Я и в

самом деле хотела просить вас об этом, но, наверное, не осмелилась бы... Вы так добры, милая баронесса.

ГРАФИНЯ. Не то чтобы я стремилась соперничать с баронессой в доброте, да и, как вы знаете, праведность, честь и добродетель не моя епархия. Но я помогу вам - не ради вас, сударыня, а ради маркиза. Мое оружие - постель. Такое же, как у тех шлюх, подружек Альфонса. Мне не составит труда совратить с пути праведного достопочтенного мэтра Мопя, генерального судью. Насколько я поняла, требуется отменить приговор Судебной палаты города Экса? Вы ведь ради этого меня пригласили? Хотели попросить, чтобы я поторговала своим телом. Не правда ли, сударыня?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Что вы, мадам! Как вы могли подумать...

ГРАФИНЯ (со смехом). Ладно уж, не оправдывайтесь. Ваш замысел - использовать порок на службе у добродетели - поистине великолепен. Порок тоже кое-чего стоит, и вы отлично это знаете. Даже причуды вашего зятя...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Так вы мне поможете?

ГРАФИНЯ. Да.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Благодарю. Я готова была на коленях молить вас. Как мне выразить вам свою признательность?

ГРАФИНЯ. Зачем мне ваша признательность?

Входит Шарлотта.

ШАРЛОТТА. Госпожа... (Мнется.)

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Говори. У меня не осталось таких тайн, которых уже не знали бы эти дамы... Да и нет у меня сил, чтобы выходить за дверь и шептаться там с тобой.

ШАРЛОТТА. Слушаюсь. Э-э...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Ну что там у тебя?

ШАРЛОТТА. Приехала госпожа маркиза де Сад.
Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ (удивленно). Что?

Гости переглядываются.

Почему она вдруг покинула замок?.. И не предупредила... Ну что же ты,
веди ее скорей сюда!

ШАРЛОТТА. Слушаюсь. (Уходит.)

Появляется маркиза де Сад.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Рене! Рене. Матушка!

Обнимаются.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Как хорошо, что ты приехала,
доченька. Я так по тебе
соскучилась.

РЕНЕ. И я. Взяла вот и отправилась в дорогу. Я больше не
в силах
выносить жизнь в Лакосте! Эти осенние прованские дожди!
Эти крестьяне,
шушукующиеся за спиной и пляшущие на жену маркиза де Сада
во все глаза! А в
замке сидеть мочи нет - тоска, одиночество. По ночам красный
отсвет факелов
на голых стенах. Крики воронья... Так захотелось увидеть вас,
матушка,
поговорить по душам. Села в карету и всю дорогу до самого
Парижа твердила
кучеру, чтоб настегивал лошадей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Я понимаю, Рене. Я понимаю... Вот и
умница, что
приехала. Не только тебе было тоскливо и одиноко. Твоя
бедная мать вся
извелась, день и ночь думала только о тебе, несчастная моя
доченька. Не
знаю, как я не лишилась рассудка... Ах, простите! Я не
представила вас. Ты
ведь не знакома с графиней де Сан-Фон? Моя дочь Рене, маркиза
де Сад.

РЕНЕ. Счастлива познакомиться. И рада видеть вас, тетушка

Симиан. Как
давно мы не встречались.

БАРОНЕССА. Сколько тебе пришлось вынести, бедная
девочка.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Наши дорогие гости обещали помочь.
О, они вдвоем
окажут нам поистине неоценимую услугу! Поблагодари же их от
всей души.

РЕНЕ. Я вам так признательна. Вы - наша последняя
надежда.

БАРОНЕССА. Ну что вы, что вы. Я счастлива, когда могу
прийти на помощь
ближнему. Завтра же прямо с утра начну действовать.

ГРАФИНЯ. Пожалуй, пойду.

БАРОНЕССА. Да-да, и мне пора.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Вы не представляете, как я вам
благодарна. Не смею вас
задерживать.

РЕНЕ. Я ваша неоплатная должница.

ГРАФИНЯ. Но все же, прежде чем я откланяюсь, позвольте,
маркиза, задать
вам один вопрос. Вы, должно быть, сочтете его нескромным. При
первой встрече
спрашивать о таком и в самом деле не следовало бы. Но я так
любопытна...

РЕНЕ. Спрашивайте.

ГРАФИНЯ. Госпожа де Монтрей поведала нам много
любопытного о вашем
супруге, да я, признаться, и без того была наслышана. Ваше
семейство -
простите за сравнение - как бы разгуливает по улицам в
абсолютно прозрачном
платье. Полагаю, это для вас не новость?

РЕНЕ. Нет.

ГРАФИНЯ. И вас не оскорбит бесцеремонный вопрос,
какие не принято
задавать в светских салонах? Обещайте, что вы отнесетесь к
нему спокойно,
как если бы я спрашивала вас о ваших виноградниках,
удобрениях или о
чем-нибудь в этом роде.

РЕНЕ. Обещаю.

ГРАФИНЯ. Я считаю, что господин маркиз - человек по

сути своей
бесконечно нежный, но эту свою нежность может выразить
лишь посредством
пресловутых конфеток и кнута - то есть посредством
жестокости. (Резким
тоном.) А каков он с вами - нежен или жесток?

РЕНЕ. Что, простите?

БАРОНЕССА. Графиня, как вы можете!

ГРАФИНЯ. Отвечайте же!

РЕНЕ. Если я отвечу, что нежен, вы решите: ага, это он
прикрывает свою
жестокость. Если же скажу, что он жесток...

ГРАФИНЯ. Я вижу, вы женщина умная.

РЕНЕ. Отвечу так. Вы хотите знать, каков мой муж? Он
любит меня так,
как подобает мужу любить жену. И если б вы оказались возле
нашего ночного
ложа, вы не увидели бы ничего такого, что дало бы повод к злым
сплетням.

ГРАФИНЯ. Ну да? (Изумленно разглядывает маркизу де
Сад.) Прелестно!
Столь образцовой семейной паре, очевидно, и нежность ни к
чему.

РЕНЕ. Равно как и жестокость.

БАРОНЕССА. Пойдемте, графиня, нам пора.

ГРАФИНЯ. Да. Прощайте, сударыни.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Спасибо за визит. И еще раз от всего
сердца благодарю.

Баронесса и графиня уходят.

РЕНЕ. Уф!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Ты замечательно ее срезала.
Превосходный ответ! Я так
горда тобой... Подлая тварь! Подумать только - и эту змею я
должна молить о
помощи.

РЕНЕ. Не стоит, матушка, из-за этого расстраиваться. По
сравнению с
прочими нашими бедами это такой пустяк... Так, значит, они
обещали помочь
Альфону? Они помогут?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Сказали, что помогут.

РЕНЕ. Слава Богу. Уже ради одного этого стоило мчаться в Париж...

Бедный, бедный Альфонс!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Так ты приехала сюда не для того, чтобы повидаться со мной?.. (Как бы между прочим.) Ты не знаешь, где сейчас Альфонс?

РЕНЕ (с невинным видом). Сама теряюсь в догадках.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. В самом деле? Что же, он даже собственной жене не сообщил, куда намерен отправиться?

РЕНЕ. Если бы я знала, где он, мне было бы трудно утаить правду от тех, кто его разыскивает. Лучше уж не знать. Так безопаснее для Альфонса. А его безопасность мне дороже всего на свете.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ты - образец добродетельной супруги. Каким чудесным цветком расцвели воспитание и образование, которые я тебе дала. Если б только твой избранник был тебя достоин...

РЕНЕ. Разве не вы учили меня когда-то: "Добродетель не подвластна обстоятельствам"?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Так-то так, но всему есть мера.

РЕНЕ. Если грехи мужа превышают эту меру, то и моя добродетель должна быть на высоте.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. У меня разрывается сердце, когда я вижу, как мужественно ты держишься под ударами судьбы. Я вспоминаю, каким счастливым и безмятежным было твое детство, - контраст слишком разителен. Твой отец, всеми почитаемый президент Налоговой палаты! Пусть наш род не слишком древний, но зато мы были богаты - не то что маркизы де Сад. Мы с отцом ничего для тебя не жалели, и ты выросла прекрасной, благородной - такую в пору выдавать за принца. Кто имел бы больше прав рассчитывать на жизнь, полную счастья? И что же! Где были мои глаза? Боже, какой

кошмарный выбор мы
сделали! Подобно Прозерпине, собиравшей цветы и похищенной
владыкой ада, ты
оказалась ввергнута в преисподнюю. И твой покойный батюшка
и я прожили свою
жизнь честно, не стыдно было смотреть людям в глаза. За что
же, за что наша
невинная дочь низвергнута в пучину такого несчастья?!

РЕНЕ. Что вы, матушка, все о несчастье да о несчастье.
Терпеть не могу
это слово. Несчастливая - это прокаженная старуха,
выпрашивающая милостыню.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ох, я всегда делаю так, как хочешь ты.
Это ты упростила
меня спасать твоего муженька. Потому-то я и пошла сегодня
на такое
унижение... И все-таки, все-таки... Да, раз уж ты столь
неожиданно приехала
ко мне, я скажу то, что думаю. Бог с ним, с королевским двором
и с высокими
связями. Послушай меня, расстанься с Альфонсом.

РЕНЕ. Господь не позволяет расторгать браки.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Расторгать необязательно, достаточно
просто порвать с
Альфонсом все отношения. И очень хорошо, что Господь не
одобряет разводов, -
ты можешь жить отдельно от своего супруга и при этом
оставаться маркизой.

РЕНЕ (после паузы). Нет, матушка, я не расстанусь с
Альфонсом - ни
перед Богом, ни перед людьми.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но почему? Откуда такое
упрямство? Что это -
оскорбленное самолюбие? Боязнь пересудов?.. Ну не любовь же,
в самом деле!

РЕНЕ. Не знаю, можно ли это назвать любовью. Но уж
самолюбие и боязнь
пересудов тут определено ни при чем... Очень трудно объяснить
так, чтобы вы
поняли. Как вам известно, матушка, теперь я знаю все. Я знаю,
какие страсти
владеют Альфонсом, знаю, что он вытворяет, знаю, что говорят
о нем люди. Я

провела в Лакосте немало бессонных ночей, вспоминая свою жизнь после свадьбы. Я все теперь понимаю, матушка. Все. То, что прежде было рассеяно в памяти, соткалось в некий единый узор, связалось в одну цепочку. В ожерелье из ярко-алых камешков. Да, камешков красных, как кровь... Еще во время нашего свадебного путешествия, где-то в Нормандии, Альфонс велел остановить карету посреди луга, усыпанного лилиями. "Хочу напоить лилии допьяна", - сказал он и стал вливать в раскрытые бутоны красное вино. А потом смотрел, как багровые капли стекают между лепестками... Или еще. Мы впервые оказались в Лакосте и гуляли вдвоем по двору замка. Альфонс остановился возле сарая, где лежали вязанки дров, перетянутые веревками, и сказал: "Какое уродство! Представляешь, вот была бы красота - белоснежные березовые стволы, стянутые золотыми канатами!.." А один раз там же, в Лакосте, когда мы возвращались с охоты, Альфонс прямо пальцами вырвал у убитого зайца сердце из груди. "Взгляни, - засмеялся он, - вместилище любви у зайца той же формы, что у нас с тобой..." Я тогда воспринимала все это как милые, эксцентричные причуды. И лишь теперь бусины соединились в одну нить... В моей душе родилось всепоглощающее чувство, неподвластное рассудку. Чувство говорило: "Раз уж тебе удалось собрать в одно ожерелье рассыпанные в памяти бусины, береги теперь эту драгоценность, храни ее как зеницу ока". А что, если когда-то, давным-давно, так давно, что туда даже не проникают лучи памяти, я оборвала нить своего ожерелья и оно рассыпалось? Вдруг теперь я сумела восстановить его в первоизданном виде?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ты имеешь в виду рок, фатум?

РЕНЕ. Нет, рок здесь ни при чем.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но ведь эти самые алые бусы рассыпал Альфонс, а не ты.

РЕНЕ. Рассыпал и преподнес мне.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Все это гордыня и самообман. Ты себя просто губишь!

РЕНЕ. Я же говорила, матушка, вы не поймете. А я наконец постигла самую суть, истину. И на этом знании зиждется моя добродетель. Можете ли вы

понять, что говорит вам жена Альфонса де Сада?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Истина - это кнут и сладкие пилюльки. Срам и бесчестие - вот в чем истина!

РЕНЕ. Голос житейской мудрости. Извечное пристрастие племени людей.

Стоит произойти чему-то необычному, как люди сразу слетаются со всех сторон,

словно мухи на труп, и высасывают, высасывают из случившегося свою житейскую

мудрость. Потом труп закопают, а у себя в тетрадочках запишут и обязательно

пометят: это - срам, это - бесчестье и так далее. А мне до житейской

мудрости дела нет. Я столкнулась с явлением, на которое табличку с надписью

не повесишь. Проще простого было бы решить для себя: мой муж - чудовище, и

дело с концом. Он - чудовище, а я - честная, достойная, безупречная.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но ведь Альфонс и в самом деле чудовище! Разве

нормальному человеческому существу возможно понять его поступки? Лучше и не

пытаться - а то как бы самой не обжечься.

РЕНЕ. Так не бывает, чтобы один из супругов был чудовищем, а другой -

обыкновенным, нормальным человеком.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рене! Уж не хочешь ли ты сказать...

РЕНЕ. Не пугайтесь, матушка, не пугайтесь. Или в вас говорит

любопытство, как в графине Сан-Фон? Я всего лишь хочу

сказать, что раз мой
муж - чудовище порока, то мне ничего не остается, как быть
чудовищем
добродетели. То, с чем я столкнулась, не имеет имени и
названия. Все вокруг
говорят, что Альфонс - преступник. А я знаю: Альфонс и его
грехи - это одно
целое. Улыбка маркиза и его ярость, нежность и жестокость,
ласковое
прикосновение пальцев к моим плечам, когда он снимает с
меня пеньюар, и
рука, хлещущая кнутом марсельских шлюх, - тут одно от другого
не оторвать. И
красная от крови, поротая задница Альфонса неотделима от его
холеных локонов
и благородного очертания губ.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Как ты можешь соединять высокое и
низкое, благородное
и мерзкое?! Ты сама себя унижаешь! Женщина рода де Монтрей
никогда, никогда
и ни в чем не может быть поставлена рядом с
марсельской... девицей
сомнительного поведения! Так что нечего подыскивать
оправдания своему
муженьку - мне, матери, больно это слышать.

РЕНЕ. Вы так ничего и не поняли, матушка. А ведь мы
должны мыслить и
чувствовать одинаково, если хотим спасти Альфонса. Ну как же
вы не видите!
Альфонс - это симфония, в которой есть только одна тема -
главная и
единственная. Я поклялась хранить верность мужу, а стало быть
- и звучащей в
нем музыке. Иногда тема нежна и мелодична, иногда яростна и
жестока, в ней
слышен свист кнута, в ней брызжет кровь. Мне Альфонс не
исполнял той,
второй, части - уж не знаю, из уважения или из пренебрежения.
Но я теперь
очень хорошо понимаю главное: если хочешь быть верной
женой, надо любить не
добрые слова и дела мужа, а истинную его природу. Обшивка
корабля, плывущего

по океану, приемлет и пожирающего ее древесного червя, и чистую морскую воду.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но мы обе с тобой обманулись - он прикидывался не таким, каков есть.

РЕНЕ. Матушка, не родилась еще такая женщина, которую мог бы обмануть мужчина.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Да уж слишком твой мужчина не похож на остальных.

РЕНЕ. И все-таки - мужчина. Уж поверьте мне... Но вы правы, выходя замуж, я совсем еще его не знала. И узнала, что он такое на самом деле, совсем недавно. Однако не могу сказать, что мне открылся чужой, незнакомый облик, - все равно это мой Альфонс. Ведь не выросли же у него, в конце концов, рога и хвост! А может быть, я потому и полюбила его когда-то, что угадывала зловещую тень, спрятанную за веселой улыбкой и ясным взором?

Невозможно любить розу и одновременно ненавидеть ее запах.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Глупости. Просто роза имеет запах, соответствующий ее виду.

РЕНЕ. Откуда вы знаете, быть может, страсть к крови, одолевающая Альфонса, досталась ему от далекого предка, ходившего в крестовый поход?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Не забывай: кровь, о которой ты говоришь, это кровь... низких женщин.

РЕНЕ. Ах, матушка, кровь есть кровь - природу не обманешь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ей-богу, такое чувство, словно это Альфонс со мной разговаривает, а не ты!

РЕНЕ. Умоляю, матушка, спасите его! Ради Бога! Если бы только Альфонса помиловали! Клянусь, я бы все сделала, чтобы достучаться до его сердца, до его сумрачной, истерзанной души! Я смогла бы это сделать - и

сплетням пришел
бы конец. Их вытеснили бы вести о добрых делах маркиза, он
искупил бы свою
вину перед людьми! О-о, только бы спасти его, только бы
спасти!.. (В
полуобморочном состоянии. Покачнулась.)

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (поддерживает ее). Бедняжка, ты совсем
выбилась из сил.

Пойди приляг. Отдохнешь часок, сердце и успокоится. Может,
что-нибудь и
придумаем. Ну же, пойдем. Я отведу тебя. (Уводит маркизу в
спальню.)

Из другой двери появляется младшая сестра маркизы де Сад,
Анна де Лонэ,
в сопровождении Шарлотты.

ШАРЛОТТА. Что же это вы с сестрицей не хотите
повидаться?

АННА. Слишком неприятная может выйти беседа. Надо же,
в кои-то веки
выбралась в Париж, с матушкой повидаться, а тут любимая
сестрица откуда ни
возьмись... Один ее взгляд чего стоит: мол, все-то я про вас про
всех знаю,
всех-то я вас насквозь вижу. И ведь в самом деле видит. Но
великодушно
снисходит к нашим слабостям. Бр-р-р! Боюсь ее!

ШАРЛОТТА. Ай-яй-яй, как же можно о родной сестре так-то
говорить?

АННА. Поди, Шарлотта, шепни матушке, что я здесь и жду ее.

Шарлотта уходит.

Почти сразу же появляется г-жа де Монтрей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Анна! Радость какая!

АННА. Здравствуйте, матушка. Как давно я вас не видела.

Обнимаются.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Счастливый день! Обе мои доченьки
приехали.

АННА. Да, Шарлотта мне сказала. Значит, Рене здесь?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Она в спальне. Устала с дороги. Пусть немножко отдохнет, так будет лучше. Она столько вынесла, столько вынесла... Ну ладно.

Ты-то как доехала? Откуда ты?

АННА. Из Италии.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Где была?

АННА. Большую часть времени в Венеции.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Далеко же тебя занесло.

АННА. Путешествие было такого рода, когда лучше держаться подальше от знакомых мест.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. С чего моей дочери от людей прятаться? Ты ведь у меня сама невинность.

АННА. Не мне надо было прятаться. Моему спутнику.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Какому еще спутнику? Ты ездила с кем-то из знакомых?

АННА. С зятем.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. С кем?!

АННА. С Альфонсом.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (потрясена). Но... Но ведь не все же время ты была с ним?

АННА. Все.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Боже, какая же ты...

АННА. О нет! Меня винить не надо. В самый первый мой приезд в Лакост в первую же ночь Альфонс пробрался в мою спальню. Я его не приманивала, нет. Но и не оттолкнула. Так это с тех пор и тянулось. А потом он говорит: "Я должен бежать. Поедешь со мной?" Ну я и поехала. Почти всю Италию исколесили.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О-о, мне страшно! Это же сатана! Дьявол! Ему мало было одной моей дочери, он добрался и до второй... (Пытается собраться с мыслями.) Несчастливая Рене! Хранить верность этому чудовищу!.. Анна, обещай мне: Рене ни слова, это будет наша с тобой тайна. Поняла? Если только она

узнает, если узнает! Она умрет. Просто умрет.

АННА. Что вы, матушка. Рене все знает.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Знает?!

АННА. Да-да, она знает.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ничего не понимаю! Про что знает?

АННА. Про то, что у меня было с Альфонсом в Лакосте...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рене? Не может быть!

АННА. Про то, что мы ездили в Италию. И где Альфонс прячется сейчас, она тоже знает.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ах вот, значит, как? Знает - а от меня скрывает. Боже, какая... (Замолкает и, что-то решив, продолжает.) Послушай, Анна, ты, верно, тоже знаешь, где Альфонс.

АННА. Конечно.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Где же?

АННА. В Сардинском королевстве, в Шанбери. Он прячется в простом крестьянском доме, подальше от людных мест.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Как называется это место?

АННА. Шанбери.

Г-жа де Монтрей сосредоточенно размышляет.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (порывисто). Шарлотта! Эй, Шарлотта!

Входит Шарлотта.

Я намерена написать три письма. А ты немедленно их отправишь.

ШАРЛОТТА. Как прикажете, мадам. (Хочет уйти.) Г-жа де Монтрей. Нет, не уходи, жди здесь. Нельзя терять ни минуты.

Шарлотта остается на сцене.

Г-жа де Монтрей садится к секретеру, раскрывает его и быстро пишет одно за другим три коротких письма, запечатывает их.

Тем временем Анна и Шарлотта разговаривают.

ШАРЛОТТА. Барышня, поди, хороша Венеция летом?

АННА. Восхитительна. (Мечтательно.) Ощущение

опасности, нежность,
дыхание смерти, грязные каналы... Вода поднялась, и к площади
Святого Марка
не пройти...

ШАРЛОТТА. Хоть одним глазком бы взглянуть.

АННА. По ночам звенели шпаги, а утром маленькие
мостики были покрыты
росой и пятнами засохшей крови. И мириады голубей, все небо
в голубях...

Когда тихо, вся площадь Святого Марка белым-бела от
копошащихся птиц, а
потом вдруг испугаются чего-нибудь - и разом взлетают,
оглушительно полоща
крыльями... И повсюду жгли его чучела.

ШАРЛОТТА. Чьи, барышня, чучела?

АННА. Перезвон колоколов, плывущий над мутной водой.
Всюду мосты, мосты
- их не меньше чем голубей... А ночью такая луна! Она
выныривала прямо из
канала и заливала алым сиянием нашу постель. Казалось,
сразу сотня
девственниц утратила невинность. По меньшей мере сотня...

ШАРЛОТТА. И гондольеры, наверно, распевали свои
песни, да? Вот
красотища-то!

АННА. Гондольеры? Распевали?.. А, ну это другая
Венеция, для
обыкновенных людей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (Поднимается, держа в руках три
запечатанных конверта).

Шарлотта!

ШАРЛОТТА. Слушаю, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это - графине де Сан-Фон, это -
баронессе де Симмиан.

Если не застанешь, вели слугам передать: я отменяю свою
просьбу и прошу как
можно быстрее известить об этом их госпожу. Ты поняла?
(Передает два
письма.)

ШАРЛОТТА. Да, мадам. (Уходит.)

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ну а как быть с письмом его
величеству? (Смотрит на
конверт.) Ладно, отвезу его во дворец сама.

ЗАНАВЕС

Действие второе

Сентябрь 1778 года. Прошло шесть лет.
На сцену одновременно выходят Рене и Анна.

РЕНЕ. Анна, ты?!

АННА. Рене, у меня хорошая новость! Рене. Но откуда ты? И так внезапно.

АННА (высоко поднимает свиток, перевязанный лентой). Ну-ка, угадай, что это.

РЕНЕ. Не нужно меня дразнить. Анна. Вот, вот, вот! Рене. Перестань.

Сестры, обе в пышных кринолинах, мечутся по сцене:
Анна убегает, Рене догоняет.
Наконец свиток в руках у маркизы.

Ну, что это? (Очень спокойно, не спеша читает.) "Решение Судебной палаты города Экс-ан-Прованс. В месяце мае сего года нами был получен королевский эдикт, скрепленный золотой печатью, коим предписывалось произвести повторное разбирательство дела Донасьена Альфонса Франсуа маркиза де Сада. Следуя воле его величества, мы признали приговор, вынесенный в 1772 году, недействительным и провели новое слушание, в результате которого по делу вышеозначенного маркиза де Сада вынесен следующий приговор. Подсудимый Донасьен Альфонс Франсуа де Сад, уличенный в распутстве и подрыве нравственности, получает строжайшее предупреждение и подвергается штрафу в размере пятидесяти ливров, а также лишается права въезда в город Марсель сроком на три года. Немедленно по уплате штрафа имя

маркиза де Сада из
тюремных списков исключить". О Боже... (Застывает в
оцепенении, сама не своя
от счастья.)

АННА. Ну, как новость, сестрица?

РЕНЕ. Это как сон...

АННА. Наоборот, сон закончился - кошмарный сон.

РЕНЕ. Альфонс свободен. И я... Шесть лет!.. Помнишь, как
шесть лет
назад, осенью, здесь же, в этом самом доме, мы все ломали
голову, не зная,
как его спасти? Это было вскоре после той ужасной
марсельской истории. Ты
только-только вернулась из Италии, куда ездила утешить
бедного Альфонса.

АННА. "Утешить"! Почему бы не назвать вещи своими
именами? Ведь дело-то
давнее.

РЕНЕ. Давнее... Шесть лет я жила только одним - как
вернуть мужу
свободу. Сколько переменялось за эти годы! Шесть лет я
колотила в запертую
каменную дверь - в кровь разбила руки, обломала ногти, и все
впустую!

АННА. Ты делала все, что могла.

РЕНЕ. Нет, мне одной было бы не справиться. Это матушка
заперла дверь
между Альфонсом и мной. Только матушке было под силу ее и
открыть.

АННА. Рада, что ты это понимаешь.

РЕНЕ. Потому ты и видишь меня в этом доме. Раньше, когда
я считала мать
своим врагом, я всегда, приезжая в Париж, останавливалась в
гостинице.

АННА. Значит, теперь между нами тремя нет больше зла?

РЕНЕ. Ты стала совсем взрослой. А я... я уже немолода.

АННА. Сейчас, когда твое лицо светится счастьем, ты
красивее и моложе,
чем шесть лет назад.

РЕНЕ. Я поняла одну вещь: счастье - оно как крупинки
золотого песка в
грязи. И в самом мрачном углу преисподней можно увидеть его
сияние. Что для

меня счастье? Все вокруг уверены, что женщины несчастнее
меня не сыскать на
всем белом свете. Унижена собственным мужем, который к
тому же еще и в
тюрьме. Опозорена гадкими сплетнями. Была б еще хоть богата
- а то ведь и
замок содержать не на что. Зимой нет денег на дрова, беру с
собой в постель
жаровню, чтоб не заоченеть. Но зато сколько радости принесла
мне эта весна!
На лугах вокруг Лакоста зазеленела трава, в высокие окна
моего ледяного
замка хлынуло теплое солнце, пение птиц обрушилось на Лакост,
словно грянул
целый оркестр из сверкающих медных труб! И во мне родилась
надежда, что час
освобождения близок. Злодейство Альфонса и мое несчастье как
бы слились в
некое единое целое - они ведь и в самом деле так схожи!
Разве нет? И
злодейство и несчастье подобны заразе - люди в ужасе
шарахаются от них,
боятся, как бы болезнь не перекинулась. Но зато нет для людей
более лакомых
тем для пересудов, чем эти две. Мое несчастье за шесть лет
достигло вершин,
которые не уступят злодейству Альфонса. Я много думала об
этом. Я одна
понимала, чувствовала всем своим существом, как беспредельно
одинок он там,
в темнице! Каких бы чудовищных деяний Альфонс ни творил,
сколько бы женщин и
мужчин ни втянул он в свои бесчинства, ему не достичь того,
чего он жаждет,
ибо жаждет он невыполнимого. Он всегда будет один. И он
никогда никого не
любил... Тебя тоже.

АННА. А тебя?

РЕНЕ. Наверное, нет. Потому-то мы, должно быть, всякий
раз и миримся
так быстро.

АННА. Ну да, а сама уверена, что только тебя он и любит.

РЕНЕ. Мечтать вольно всякому. Уж чему-чему, а полету

фантазии у

Альфонса я научилась.

АННА. А счастьем?

РЕНЕ. Счастье - мое собственное открытие. Ему Альфонс меня учить не пожелал. Счастье - ну как бы тебе сказать - это вроде вышивания гладью, дело кропотливое и трудоемкое. Сидишь одна-одинешенька, тебе горько, тоскливо, тревожно на душе, ночи беспросветны, зори кровавы, и ты все это медленно, тщательно вкладываешь в свой узор. И в результате выходит маленький гобелен, на котором всего лишь одна, самая что ни на есть обыкновенная, но - роза. Женские руки, женское терпение способны даже муки ада превратить в розовый бутон.

АННА. Понятно. Альфонс сварит из лепестков твоей розы варенье и будет мазать им себе булочку на завтрак.

РЕНЕ. Ты все ехидничаешь.

Входит г-жа де Монтрей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рене! Какая радость-то! Ну, поздравляю. Я нарочно Анну вперед послала, пусть, думаю, покажет тебе бумагу, пусть порадует.

РЕНЕ. Спасибо, матушка. Я всем обязана только вам. (Опускается на колени и целует подол материнского платья.)

Г-жа де Монтрей в замешательстве смотрит на младшую дочь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (поднимая Рене на ноги). Ну к чему этот театр? Я долго была глуха к твоим мольбам, но твоя преданность способна растопить даже лед. Ты склонила меня на свою сторону - а разве могло быть иначе? Я же твоя мать! Ну вот, теперь все у нас снова будет хорошо... А признайся,

ведь ты
ненавидела свою бедную матушку?

РЕНЕ. Не надо, прошу! Не то я сгорю от стыда. Теперь все разрешилось.

Он, верно, сразу же захочет уехать в Лакост. Мне нужно скорее готовиться к отъезду...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (быстро переглядывается с Анной).
Зачем такая спешка?

АННА. Пусть Альфонс немного потомится в одиночестве. Уж это-то он заслужил.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Побудь хоть денек. В кои-то веки собрались втроем.

Столько всего вынесли - неужели нам и поговорить не о чем? Всякое ведь было

- теперь и посмеяться не грех. Как тогда, помнишь? Ну, весной, когда ты устроила Альфонсу побег? Мне как сказали - я просто дар речи потеряла.

РЕНЕ. Я в самом деле ненавидела вас, матушка, всей душой. Мне казалось

- никто, кроме меня, не спасет Альфонса.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Честно говоря, та история заставила меня взглянуть на тебя по-новому. Я всегда думала, что ты тихая, беспомощная, а тут вдруг поняла: нет, она - моя дочь! Это надо же все так рассчитать, подготовить!

Сколько решительности, мужества! Однако должна тебе заметить, Рене: зло можно исправить лишь с помощью справедливости и закона.

Так всегда говорил твой отец, это повторю тебе и я. Видишь, как славно я все устроила. А ведь я вела себя не так, как мамочка твоего Альфонса, - та все с Богом на устах, да с молитвой, да в монастырь, подальше от греха, а сама хоть бы один бриллиантик ради сына продала! Так и преставилась.

АННА. И тем не менее Альфонс был безутешен, когда она умерла.

РЕНЕ. Он оставил свое убежище, понесся в Париж, на

похороны, там его и схватили.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Точно так же он убивался, когда умер его отец. Такую устроил истерику, что, помню, я и то расчувствовалась.

РЕНЕ. А обо мне он стал бы плакать?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ты же ему не мать... Хотя за эти годы, что он просидел в тюрьме, ты, должно быть, стала для него вроде матери.

АННА. Уж я-то никогда не вела себя с ним как с сыночком.

РЕНЕ. Да и я превратилась в мать собственного мужа не по своей воле.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Девочки, девочки, что за тон, что за пренебрежение к званию матери? Вы забываете, что я - тоже мать!.. Впрочем, вы можете говорить все что угодно, но знайте: я никогда не прошу человека, растоптавшего жизнь обеих моих дочерей, которых я растила с такой заботой и любовью. Надеюсь, Рене, ты это понимаешь...

РЕНЕ. Он вовсе не растоптал мою жизнь.

АННА. А мою и подавно.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (неприятно удивлена, но пытается это скрыть). Вот как?

Любопытно. Значит, не растоптал?

РЕНЕ. Осквернение, надругательство - это тот хворост, который разжигает в Альфонсе костер желаний... Знаете, как морозным утром весело бежит лошадь, разбивая копытами хрустальную корку льда? Так и Альфонс: когда под действием ночной стужи скопившаяся на земле грязная вода превращается в прозрачно-чистые льдинки, он давит их, вновь обращая в грязное крошево. О, это целое церемониальное действие! Поначалу шлюха или нищенка предстает перед Альфонсом кристально чистой, святой. И он самозабвенно хлещет ее кнутом - все, лед раздавлен. Потом, правда, наступает пробуждение, и Альфонс пинком выставляет своих подружек за дверь... Минуты испытанного

блаженства
наполняют душу Альфонса несказанной нежностью - она
копится в нем, как
нектар в пчеле. И всю эту нежность он изливает на меня,
когда рано или
поздно возвращается домой, - ведь больше не на кого.
Сладкий нектар
нежности, собранной им в поте лица, под палящими лучами
жгучего летнего
солнца, весь достается мне - измученной ожиданием в темном и
холодном улье.
Да, Альфонс - это пчела, приносящая блаженный нектар. А
цветы, из которых
высасывает он свою кроваво-красную пыльцу, - для него они
ничто. Сначала
Альфонс уподобляет их божеству, затем растаптывает,
насыщается - только и
всего. Это их жизнь он топчет, не мою.

АННА. До чего же ты, сестрица, обожаешь все
приукрашивать. Как у тебя
выходит поэтично, да вдобавок еще и логично - прямо красота.
Ну и правильно
- вещи крайне низменные, как, впрочем, и чрезмерно
возвышенные, только и
можно уразуметь при помощи поэзии. Правда, это как-то не
по-женски. Я,
например, никогда и не пыталась понять, что такое Альфонс.
Вот почему ему
всегда было со мной хорошо и спокойно - он чувствовал себя
просто мужчиной.
И я, когда он ласкал меня, была просто женщиной.

РЕНЕ. Ну что же, откровенность за откровенность: знаешь,
Анна, ведь я
попросту воспользовалась тобой. Иногда Альфонс испытывал
потребность ощутить
себя обыкновенным мужчиной. Со мной притворяться было
бесполезно - уж я-то
знала, какой он обыкновенный. Вот я и подтолкнула его к тебе.

АННА. Все очень складно, только жаль, милая сестренка, что
ты не видела
нас в Венеции. Какая кровавая, похожая на вырванную
печень луна светила
сквозь туман над каналом! С мостика под окном доносился

звон мандолины и
звучный голос певца. Наша смятая постель стояла возле самого
подоконника и
была похожа на берег, покрытый белым песком и
водорослями, - так пахло
влагой и морем. Альфонс не говорил со мной о крови, но я
видела кровь в его
глазах, она-то и была источником нашей сладостной неги...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Что вы такое обе несете! Немедленно
перестаньте! Да и
какой смысл ссориться из-за событий шестилетней давности?
Вспомните лучше,
какая у нас сегодня радость. Я постараюсь не думать об
Альфонсе плохо. Его
злодейство - дело прошлое. Давайте поговорим о хороших его
чертах. Я слышала

- не знаю, верить или нет, - будто Альфонс обратился к религии?
РЕНЕ. Иногда, читая его письма, я чувствовала, что
искра веры,
стремление к Богу тлеет в его душе.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ну да, а в следующем письме он,
наверное, писал, что
намерен наложить на себя руки, а чуть позднее - крыл
последними словами
меня, подлую скрягу. Можешь не рассказывать, я и сама знаю.
Очевидно, в
этом-то и состоит прелесть твоего мужа - он не способен долго
пылать одной
страстью. Заглянет в окошко преисподней, отшатнется -
понесется к небесам,
да по дороге завернет на кухню и затеет какую-нибудь грубую
перебранку. К
тому же у него вечно в голове грандиозные планы, мнит
себя великим
писателем. Подумать страшно - что он может понаписать.
Меня, конечно,
выведет злой ведьмой, а себя - владыкой ада. Только вряд ли
кто станет
читать его опусы.

РЕНЕ. Альфонс и в самом деле человек увлекающийся,
но чувство
признательности ему не чуждо. Когда муж узнает, что это вы
его спасли, он

будет вам беспредельно благодарен.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ну-ну, хотелось бы верить.

Входит Шарлотта.

ШАРЛОТТА. Графиня де Сан-Фон пожаловали. Говорит, гуляла и решила заглянуть.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Вот как? (В нерешительности.) Ладно, и так все про нас знает... Зови.

ШАРЛОТТА. Слушаюсь. (Удается. В дверях сталкивается с графиней де Сан-Фон.)

ГРАФИНЯ. А я и сама вошла. Ничего? Ведь не через окно же и не верхом на помеле.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Скажете тоже! (Крестится.)

ГРАФИНЯ. Можете не креститься, все равно на баронессу де Симиан вы не похожи. У вас это выглядит так, будто крестное знамение вы сотворяете не для себя, а для соблюдения приличий.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это вы так считаете.

ГРАФИНЯ. Знаете, я ведь не просто так зашла - хочу кое-что рассказать.

Вчера ночью я проделала то же самое, что во времена Короля-Солнце мадам де Монтеспан.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Стали возлюбленной его величества? Но ведь нынешний король по женской части, кажется...

ГРАФИНЯ. Нет-нет, не перебивайте. Я расскажу все сама, по порядку.

Именно такая чудесная слушательница мне и нужна. Госпожу де Симиан слишком легко напугать, а вы - дама закаленная, мужественная, испытанный боец армии добродетели.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О графиня, вы слишком добры.

ГРАФИНЯ. Признаться вам, мне до смерти наскучили все обычные забавы - любовные интрижки, безобразия, карнавалы масок а-ля

королева Марго и тайные прогулки по парижским трущобам. Даже собственная скандальная слава и та обрыдла. Все грехи начинались спальней, ею же и заканчивались. А любовь... любовь - это мед, в котором слишком силен привкус пепла. Не хватало чего-то возвышенного, божественного...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Неужто вы встали на путь благочестия?

ГРАФИНЯ. О нет, не пугайтесь... Когда в наслаждениях преобладает привкус горечи, вспоминаешь, как тебя, бывало, наказывали в детстве. И хочется, чтобы кто-то снова тебя наказал. Начинаешь оскорблять невидимого нашего Господа: плюешь ему в физиономию, бросаешь вызов - одним словом, стараешься разозлить. Но Боженька, как ленивый пес, - дрыхнет дни и ночи напролет. Его дергаешь за хвост, тащишь за уши, а он и глаз не раскрывает - не то чтоб цапнуть или облаять.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Я не очень поняла... Это вы Господа ленивому псу уподобили?

ГРАФИНЯ. Ну да. Ленивому, старому и дряхлому.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Слава Богу, что мои девочки уже взрослые. Для юной, неокрепшей души это было бы слишком...

ГРАФИНЯ. Да погодите же, самое интересное впереди. Я здорово ошиблась в маркизе де Саде. Он представлялся мне идеальным суррогатом карающего Господа - восхитительным златокудрым палачом с кнутом в белоснежной руке. Ошибка, это была ошибка. Маркиз - всего лишь мой товарищ, он сделан из того же теста, что и я. Когда ленивый пес дрыхнет, ему едины - машущий кнутом и получающий удары, палач и жертва. И тот и другой тщетно бросают ему вызов. Первый - тем, что бьет, пускает кровь, второй - тем, что сносит

удары и эту
кровь проливает... Псу наплевать, он знай себе посапывает. Мы
с маркизом -
одного поля ягоды.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. И как же вы додумались до подобного
открытия?

ГРАФИНЯ. Не додумалась. Просто почувствовала.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Когда же?

ГРАФИНЯ. Когда почувствовала? В тот самый миг, когда
меня сделали
столом.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. То есть как "сделали столом"?

Сестры перешептываются.

ГРАФИНЯ. Вы полагаете, что человека превратить в стол
невозможно? Так
вот, представьте себе: меня, раздетую, уложили на стол, и мое
обнаженное
тело превратилось в алтарь для Черной Мессы.

Слушательницы ахают.

Рене вздрагивает, и по мере рассказа графини ее волнение
становится все
заметнее.

Ни где это произошло, ни кто там был, я вам, разумеется, не
скажу. Мсье
Гибур давно мертв, а я, конечно, - лишь жалкое подобие госпожи
де Монтеспан.
И все же, как и она, я сама предложила использовать мое тело
для мессы.
Меня, обнаженную, такую белую-белую, положили навзничь на
черное траурное
полотнище. Я лежала, закрыв глаза, и представляла, как
ослепительно
прекрасна моя нагота. Обычной женщине не дано знать, что это
такое - видеть
все не глазами, а открытой кожей. Мои груди и живот
прикрыли маленькими
салфетками. Ну, это ощущение вам знакомо - вспомните
холодную крахмаленную
простыню. А в ложбинку между грудей мне положили

серебряное распятие.
Однажды озорной любовник, когда мы отдыхали после утех,
положил мне на грудь
холодную грушу - примерно такое же было чувство. На лоно
мне поставили
священную серебряную чашу. Это, пожалуй, несколько
напоминало прикосновение
ночной посуды из севрского фарфора... Вообще-то все эти
глупости не
вызывали во мне такого уж святотатственного восторга, когда,
знаете, вся
дрожишь от наслаждения. Потом началась служба, мне сунули
в каждую руку по
горящей свече. Пламя было где-то далеко-далеко, я почти не
чувствовала, как
капает воск. Во времена Людовика Четырнадцатого на Черной
Мессе, говорят,
приносили в жертву настоящего младенца. Но теперь времена
не те, да и месса
уже не та. Пришлось довольствоваться ягненком. Священник
пропел Христово
имя, ягненок жалобно заблеял где-то у меня над головой,
потом вдруг
вскрикнул так, знаете, тонко и странно - и тут на меня хлынула
кровь. Она
была обильнее и горячее, чем пот самого страстного из
любовников, она
заливала мне грудь, стекала по животу, наполняла чашу, что
стояла на моем
лоне... До этого я пребывала в довольно игривом
расположении духа,
испытывала обыкновенное любопытство - не больше, но здесь
мою холодную душу
впервые пронзила неистовая, обжигающая радость. До меня
наконец дошел смысл
всей этой тайной церемонии: и кощунственность моей позы - с
широко, крестом,
раскинутыми руками, и дрожащий огонь свечей, истекающих
горячим воском, -
они символизировали гвозди распятия... Я рассказываю вам все
это не для того
чтобы побахвалиться. Главное, чтобы вы поняли: я стала
зеркальным отражением

Альфонса, разделила трепет его души. Правда, Альфонс предпочитает смотреть, а здесь смотрели на меня, так что ощущения наши несхожи. Однако, когда на мое голое тело пролился кровавый дождь, я поняла, кто такой Альфонс.

РЕНЕ. Кто же он?!

ГРАФИНЯ. Он - это я.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Да?

ГРАФИНЯ. Да, в тот миг он был мной. Окровавленным столом из живой плоти, чьи глаза стали незрячи, а из рук и ног ушла сила. Трехмесячным зародышем, выкидышем Господа Бога... Маркиз становится самим собой, только когда вырывается из своего "я", он превращается в выкидыш, залитый кровью выкидыш Небесного Отца. И все, кто окружают его в эту минуту - женщины, которых истязает он, женщины, хлещущие его, - они, они становятся Альфонсом, а он им быть перестает. Тот, кого вы зовете Альфонсом, - тень, мираж, его просто не существует.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Вы хотите сказать, что на самом Альфонсе греха нет?

ГРАФИНЯ. Да, на вашем языке это называется именно так.

АННА (внезапно рассмеявшись). Смотрите-ка, вердикт мадам де Сан-Фон совпал с приговором блюстителей нравственности из Судебной палаты.

РЕНЕ (порывисто). Нет на нем никакого греха! Он невинен! Белее белого!

(Показывает свиток.) Вот, мадам, прочтите. Альфонс свободен - и все благодаря матушке.

ГРАФИНЯ. Да? Странно. Помнится, шесть лет назад, когда я собиралась вам помочь, ваша матушка ни с того ни с сего запретила мне что-либо предпринимать. С чего бы это вдруг она теперь стала хлопотать о вашем муже... Та-ак, а число?

РЕНЕ. Какое число?

ГРАФИНЯ. Ну, дата приговора.

РЕНЕ. Не знаю. Я была так рада, что забыла посмотреть.

Г-жа де Монтрей и Анна пятятся в глубь комнаты.

Где же число?.. А, вот! Совсем мелко, я и не заметила. Четырнадцатого июля 1778 года... То есть как 14 июля? Ведь сегодня уже 1 сентября... Полтора месяца назад? А я ничего не знаю и все это время сижу в Париже! Как же так?! (Пронзительным голосом.) Анна! Что это значит? Почему нам отдали бумагу только сегодня?

Анна молчит.

Матушка, да что же это такое? Неужели вы целых полтора месяца скрывали от меня счастливую весть? Зачем?!

Г-жа де Монтрей молчит.

Альфонс, должно быть, весь истомился, ожидая меня в Лакосте!.. Но... но... Почему он не написал? (Охваченная внезапной тревогой.) Я немедленно еду в Лакост.

ГРАФИНЯ. Бесполезно.

РЕНЕ. Это еще почему?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Графиня!

ГРАФИНЯ. Полагаю, что маркиз уже снова в тюрьме. Только в другой. Ваша добрейшая матушка наверняка убедилась, что дело сделано, прежде чем сообщить вам о приговоре.

РЕНЕ. Что за глупости вы говорите! Альфонса освободили... Матушка, ну скажите же ей.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Графиня просто шутит.

ГРАФИНЯ. Мадам, боюсь, что вам, добродетельнейшей из матрон, надолго

запомнится сегодняшний день. Придется вам горько
раскаиваться, что некогда
вы связались со мной, падшей женщиной. Шесть лет назад вы
хотели меня
использовать. Вам понадобилась моя порочность. Потом вдруг
передумали и
отказались от моих услуг. О, у меня превосходная память! Я
могла бы вам
простить желание меня использовать, но то, что вы презрели
мою помощь,
простить никак не могу. Вы не представляете, как меня
потом мучил тот
сострадательный порыв, совершенно мне не свойственный. И
в память о
несостоявшемся благом деянии я еще раз выступлю в
непривычном для себя
качестве. Сейчас моими устами заговорит сама Истина -
представляете? И все
благодаря вам, дорогая госпожа де Монтрей! Должно быть,
ваша безупречная
честность заразительна.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Мадам! Вы, кажется, намерены совать
свой нос в наши
семейные дела?

ГРАФИНЯ. А разве не вы сами ткнули меня носом в ваши
семейные тайны?

РЕНЕ. Мадам, ради Бога, говорите! Вы принесли какую-то
страшную весть,
да?

ГРАФИНЯ. Бедняжка Рене. Альфонс попал в капкан,
расставленный вашей
мамочкой. А приговор Судебной палаты города Экса был не
более чем приманкой,
чтобы птичка попалась уж наверняка.

РЕНЕ. Но почему?

ГРАФИНЯ. Вы знаете, моя информация всегда самая
точная. Подробности
стали мне известны не далее как вчера. Когда в прошлом году
умерла мать
Альфонса, госпожа де Монтрей поспешила истребовать личный
королевский эдикт
на арест маркиза, сбежавшего с вашей помощью из тюрьмы и
скрывавшегося в

неизвестном месте. Ну, как Альфонса схватили, вам, должно быть, известно?

РЕНЕ. Почти ничего.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Может быть, довольно, графиня?

ГРАФИНЯ (г-же де Монтрей). Вы все сделали для того, чтобы в Эксе дело маркиза пересмотрели побыстрее, пока не истек срок королевского эдикта. Даже в случае оправдательного приговора суда Альфонса, освободив, немедленно арестовали бы по именному указу его величества. Так все и вышло: 14 июля суд освободил маркиза из-под стражи, но несчастного сразу же схватила королевская тайная полиция и вновь заперла в тот же Венсенский замок - только на сей раз в еще более темный, сырой и холодный каземат, даже сквозь решетку которого не видно воли. По дороге Альфонс было сбежал, но, как вам, мадам, известно, его благополучно поймали, и теперь вы можете быть совершенно спокойны. Зятек сидит за двойной железной дверью, в каменном колодце, на окне - решетка. Теперь-то уж он не сбежит.

Пауза.

АННА (поспешно поднимается). Графиня, вы ведь, кажется, гуляли и заглянули сюда по дороге?

ГРАФИНЯ. Именно так.

АННА. Позвольте мне составить вам компанию. Прогуляемся дальше вместе.

ГРАФИНЯ. Охотно. Прогулка со столь очаровательным инструментом чужих замыслов доставит мне огромное удовольствие. В прежние времена вас использовала старшая сестра, теперь - мамочка. Пойдемте, Анна, пора попользоваться вами и мне.

АННА (с деланной веселостью). К вашим услугам, графиня. Готова быть

столом, комодом - чем прикажете.

ГРАФИНЯ. Вот послушное дитя! Природа одарила вас прелестными крылышками, расправив которые вы всегда сможете упорхнуть от неприятностей.

Пожалуй, это - единственное ваше богатство. Сударыни...

(Кланяется г-же де

Монтрей и маркизе де Сад, после чего вдвоем с Анной идет к дверям.)

Шарлотта!

Выглядывает Шарлотта.

Вглядись-ка хорошенько в мое лицо. Вряд ли мне представится оказия

когда-нибудь еще побывать в этом доме, так что отныне по самый гроб тебя

будут окружать исключительно добродетельные и высоконравственные лики.

Посмотри как следует и запомни это лицо грешницы.

Графиня, Анна и Шарлотта уходят. Рене и г-жа де Монтрей молча смотрят друг на друга.

РЕНЕ. Я хочу спросить только одно. К чему была вся эта комедия?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ну, комедию ломать начала не я.

Помнишь, шесть лет

назад, когда ты примчалась молить меня о помощи, ты ведь утаила от меня

многое... Мерзость и распутство! Когда Анна открыла мне глаза, я,

естественно, переменяла свое решение. Написала прошение королю, и тот через

посла в Сардинии потребовал выдачи Альфонса. Видишь, всему было причиной то,

что ты затеяла играть со мной в прятки... А что касается теперешней истории,

то, поверь, я устроила все для твоего же блага. Целых шесть лет мы были с

тобой врагами - я прилагала все усилия, чтобы не выпустить Альфонса из

тюрьмы, ты, наоборот, делала возможное и невозможное, чтобы вернуть ему свободу. Мать с дочерью враждовали между собой! А ведь я уже стара, силы оставляют меня, мне одиноко. Я тверда в своем решении держать беспутного зверя взаперти, но война с родной дочерью разрывает мне сердце. Ведь я заботилась только о твоём счастье.

РЕНЕ (без выражения). О моем счастье-Г-жа де Монтрей. Ты была вне себя от радости, когда я наконец стала добиваться пересмотра приговора. Прошлые обиды сразу забылись, мы с тобой снова зажили душа в душу, как в старые добрые времена. Я потому и скрывала от тебя так долго вердикт Судебной палаты, что знала - твоя радость будет преждевременной. И Анне велела ничего не говорить. А когда утаивать истину стало уже невозможно, решила: дай хоть доставлю тебе несколько радостных минут. Ты сияла от счастья, а материнское сердце разрывалось от жалости и горя... Ну а клевете этой ведьмы графини де Сан-Фон ты не верь - она все перевернула с ног на голову.

РЕНЕ. Но это правда, что Альфонс снова в темном каземате?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. В общем...

РЕНЕ. И то, что засадили его туда вы?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Что значит "засадила"? Я же не король.

РЕНЕ. Какая чудовищная жестокость!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Если уж говорить начистоту, тут необходима была жестокость, чтобы у тебя наконец раскрылись глаза. Пойми же, я вынуждена была прибегнуть к этой уловке. Я надеялась, что ты избавишься от наваждения и выкинешь Альфонса из головы...

РЕНЕ. Это не в моих силах.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но почему, почему? Сколько же можно хранить верность этому чудовищу? Ведь он-то никогда тебе верен не был. Это в

тюрьме он льет
крокодиловы слезы, пишет жалостные письма, уверяет тебя в
любви и клянется в
верности. Но стоит ему выйти на свободу, и все начнется
сызнова. Ты же не
слепая!.. Откажись от него. Это единственный путь к твоему
счастью.

РЕНЕ (без выражения). К моему счастью...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Забудь его.

РЕНЕ. Это невозможно.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О Боже, почему?!.. И как ты могла,
ты, дочь судьбы,
устроить преступнику побег из тюрьмы?

РЕНЕ. О-о, то было блаженное время! Никогда еще я не
чувствовала, что
моя душа настолько слита с душой томящегося в темнице
Альфонса... Бессчетное
количество раз подавала я прошения о помиловании - и все
тщетно. Я сидела
ночи напролет в пустом замке и думала только об одном - как
устроить побег.
И посоветоваться было не с кем, я - совсем одна! Это походило
на шахматную
партию: я двигала фигуры слоновой кости, пробуя комбинации
одну за другой. И
наконец слоновая кость наполнилась пламенем, стала краснее
коралла - план
был составлен! Разрабатывая детали, я чувствовала биение
сердца Альфонса -
где-то совсем рядом. И я поняла. Когда Альфонс замыслил
новое бесчинство,
стремясь в своих исследованиях порока как можно ближе
подобраться к
недостижимому, он испытывал нечто подобное. Нет, не нечто
подобное, а именно
то же! Не было в мире человека более одинокого, чем он, когда в
его голове -
втайне от всех - составлялся план очередного преступления. Это
куда страшнее
огня неразделенной любви - ведь надежды на взаимность нет,
лишь стремление
любыми средствами дорваться до неосуществимой мечты,
воплотить ее на земле,

в определенной точке времени и пространства. И заранее известно наверняка -

в последний момент добыча ускользнет из рук... Я ощущала совершенно то же.

Понимала - даже увенчайся затея успехом, меня ждет лишь опустошенность.

Втайне строила я свои планы и знала, что они бессмысленнее, чем самая безнадежная из неразделенных любовей... Нет, на признательность Альфонса я не рассчитывала.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Конечно, на что может рассчитывать человек, таящийся от всех? Ничего удивительного. Каждый, кто разрывает сети праведности и законности, остается один-одинешенек. Так всегда говорил твой отец.

Несчастный, ему и в голову не могло прийти, что такая участь ожидает его собственную дочь.

РЕНЕ. Между мной и Альфонсом установилась невидимая связь, разорвать которую было не под силу никому из смертных. Мы были связаны крепче, чем в минуты самых страстных объятий.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Неужели ты станешь меня убеждать, что причина твоего упрямства - любовь? Это выше моего разумения! Какая любовь - ведь он-то тебя не любит, ты губишь жизнь из-за пустой химеры! (Язвительно.) Рене, уж будем говорить начистоту: ведь твой муж - он даже и не человек вовсе.

РЕНЕ. Но все равно он - мой муж.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ага, о любви разговора уже нет, теперь твое убежище - супружеская добродетель.

РЕНЕ. И научили меня ей вы, матушка.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Довольно странная, беспутная она какая-то, эта твоя добродетель. Отчего, интересно? Я давно заметила: любые, самые белоснежно-благородные слова, когда речь заходит об Альфонсе, становятся

чернее угля. Чернее китайского лака!

РЕНЕ. И моя любовь?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Да. Она тоже беспутна.

Пауза.

РЕНЕ. Что бы ни произошло, я последую за ним всюду, сколько хватит сил.

Если вы хотели разлучить меня с мужем, не следовало запирать его в тюрьму -

вы совершили ошибку. Я буду писать ему, ходить на свидания. Для него я -

единственное человеческое существо на всем белом свете. Я - его надежда, и мы оба с ним знаем это.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Может быть. Может быть, я и сделала ошибку. Но, знаешь, незаметно для нас обеих мы идем с тобой одной дорогой.

И радости у

нас с тобой одни и те же. Вот слушаю тебя и думаю: ты ведь тоже счастлива,

что посадила Альфонса в клетку - клетку твоей любви.

Теперь ты обрела

душевное спокойствие. Он один, беспомощен, вся надежда только на тебя.

Никаких мук ревности, а? Пусть теперь он поревнует, а?

Представляешь, не в

силах избавиться от навязчивых, душераздирающих видений, он напишет тебе

ревнивое письмо. А ты будешь с наслаждением читать и перечитывать его,

блаженно улыбаясь... Ну, будь же честной. Признай, что, хоть на устах твоих

горечь, в глубине души ты мне благодарна. Мы обе с тобой хотели посадить его

в клетку, и это роднит тебя и меня. Разве нет?

РЕНЕ. Нет! Ничего подобного!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Нет? Даже несмотря на то, что стоит ему выйти на

свободу, и он сразу же превратит твою жизнь в ад?

РЕНЕ. Пусть! Я хочу, чтобы он был свободен.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Но для него свобода - кнут и бонбоньерка.

РЕНЕ. Это не важно. Матушка, умоляю, я буду валяться у вас в ногах -

только помогите! Сделайте так, чтобы его освободили!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ничего не понимаю. Освободить? И расставаться с ним не

желаешь? А сама знаешь, что ничего, кроме мук, он тебе не принесет. Тебе

что, доставляет наслаждение терпеть муки?

РЕНЕ. Большой муки, чем нынешняя, все равно не бывает.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Что ж, приходится тебе верить - ты знаешь, что такое

мука. Значит, единственная твоя радость - его освобождение? В этом твое

счастье?

РЕНЕ. Да! И радость, и счастье. Только об этом я и мечтаю.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (пронзительным голосом). Какое же оно, твое счастье?

РЕНЕ. То есть как?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Какого оно сорта, какой природы?

РЕНЕ. Я не понимаю вас. Разве не должна добродетельная жена добиваться

свободы для своего мужа? Разве можно вообразить себе большее счастье, чем...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Хватит о добродетели! В твоих устах это святое слово

становится мерзостным. Я хочу услышать, что для тебя счастье!

РЕНЕ. Ладно, если вам так хочется... Каждую ночь муж наполняет мой дом

светом - и это счастье. Лежать зимой в холодной спальне замка одной,

мерзнуть и представлять себе жарко натопленную комнату и в ней Альфонса, в

этот самый миг подносящего пылающий сук к голой спине связанной женщины. Вот

оно - мое счастье! Страшные, кровавые слухи, стелющиеся как полы пурпурной

королевской мантии... Идешь по улице городка и смотришь в землю - ты,

супруга господина здешних мест! Вот какое это счастье. И еще - счастье

бедности, счастье позора... Такое, матушка, счастье обрету я, добившись

свободы для Альфонса.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ты лжешь. Все лжешь! Прежде чем обвинять мать, задумалась бы над тем, какая ты дочь! Ведь ты снова скрывать пытаешься, снова меня обманываешь! А мне известно все. Именно поэтому я и поклялась вырвать свою дочь из лап страшного чудовища, чего бы мне это ни стоило!

РЕНЕ. О чем вы?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Боже, какой стыд! Даже Анне я не смогла об этом рассказать... Твоя хваленая добродетель - гнилой, изъеденный червями плод!

РЕНЕ. На что вы намекаете?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Я скажу. Скажу... Верный человек, которого я послала в Лакост, подглядел в окно и все мне рассказал. Это было как раз на Рождество.

РЕНЕ. На Рождество?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Где уж тебе вспомнить - у тебя, поди, таких ночей много было...

РЕНЕ. Рождество... После удачного побега Альфонс запутал следы и тайно приехал ко мне в Лакост. Это последнее Рождество, проведенное нами вместе.

Была студеная зима, дул злой северный ветер. Чтобы купить дров, я заложила фамильное серебро... Тут уж не до праздников.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рождество у вас и в самом деле было странное. На дрова у вас, несчастных, не хватало - ай-яй-яй.

Решили человечинкой топить... Бедные, нищие супруги, специально ездившие в Лион, чтобы нанять пять служанок, девчонок лет по пятнадцать, и еще юнца-секретаря... Видишь, даже это я знаю. А ведь я, дура, посылала тебе денег на расходы! Так вот, мой слуга спрятался у окна и, насквозь продуваемый ветром, стал подглядывать, каким поразительным образом справляете вы Рождество. На дрова ты и в самом деле не поспешила - огонь в

камине пылал так, что все деревья в саду стояли залитые багровым светом.

РЕНЕ. Матушка!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Нет уж, ты выслушай... Альфонс, облаченный в черную мантию, но при этом обнажив свою белую грудь, хлестал кнутом пятерых девочек-служанок и подростка. Те были в чем мать родила и метались по зале, тщетно моля о пощаде. Длинный кнут мелькал в воздухе, словно целая стая ласточек над крышей старого замка. А ты...

РЕНЕ (закрывает руками лицо). Нет!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. А ты, совершенно голая, была за руки подвешена к люстре. От боли ты почти потеряла сознание, по твоему телу, словно по стволу дерева под дождем, стекали струйки. Струйки крови, вспыхивавшие рубинами в отсветах каминного пламени. Угрожая мальчику кнутом, его сиятельство заставил несчастного облизывать испачканное тело ее сиятельства. Бедняжка был слишком мал ростом, и ему пришлось залезть на стул... Он вылизал тебя всю... (Высовывает кончик языка.) И не только там, где была кровь... (Пауза.) Рене! (Делает шаг к дочери. Та отшатывается.) Рене!

Еще один шаг. Рене пятится.

Госпожа де Монтрей хватает ее за край платья.

Рене с силой вырывается.

Госпожа де Монтрей опускает руки.

Ну, довольно. Теперь я вижу, что все это было правдой, твое

мертвенно-бледное лицо - лучшее тому доказательство.

РЕНЕ. Но, матушка...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Какие еще тут могут быть "но"?

РЕНЕ. Это случилось только один раз и против моей воли. Клянусь вам!

Поступить так велела мне добродетель. Вам не дано это понять.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Опять добродетель! А если он велит

тебе ползать на
брюхе по-собачьи, ты тоже подчинишься? Или превратиться в
червя, а?! Где
твоя женская гордость? (Задыхается от рыданий.) Разве так
воспитывала я свою
дочь?! Дьявол-муж отравил твою душу!

РЕНЕ. Когда обретаешься на самом дне позора, в сердце не
остается места
ни для сострадания, ни для нежности... Эти чувства живут в
верхнем слое
души, и, когда душа переворачивается вверх дном, грязь и
мусор поднимаются
наверх и замутняют, загрязняют прозрачный и чистый слой...
Вы правы,
матушка. Все, что вы говорили, - верно. Но только жалости к
вам у меня нет.
Ведь вы ровным счетом ничего не знаете, а стало быть, вреда
вам никакого нет
и не будет.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Кто, я не знаю? Да мне известно все!

РЕНЕ. Нет, ничего вам не известно. Что можете вы знать о
пути, которым
идет женщина, решившая быть добродетельной до конца и
отринувшая ради этой
цели все общественные запреты и саму честь?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Так говорят все женщины, ставшие
жертвой мерзавцев.

РЕНЕ. Альфонс - не мерзавец. Он - моя лестница к
недостижимому,
лестница, ведущая меня к Богу. И пускай эта лестница
затоптана грязными
ногами, даже забрызгана кровью!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Опять эти твои витиеватые
сравнения. Анна и та над
ними смеется.

РЕНЕ. Об Альфонсе иначе говорить нельзя. Он - голубь, а
не лев. Он -
маленький белый цветок в златокудрой пылице. И при этом не
ядовитой, о нет!
Когда этот голубь, этот цветок прибегает к кнуту, начинаешь
себя, себя, а не
его ощущать кровожадным зверем... Тогда, на Рождество, я
приняла одно важное

решение. Мне мало понимать Альфонса, мало быть его защитницей и опорой. Да, я вытащила его из тюрьмы и воображаю себя истинно добродетельной женой, но гордыня застит мне глаза - того, что я сделала, мало... Матушка, вот вы упрекаете меня за то, что я все твержу: добродетель, добродетель. Но это - добродетель иного рода, стряхнувшая ярмо привычного и общепринятого. После той страшной ночи с моей добродетели начисто слетела присущая ей прежде спесь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это оттого, что ты стала соучастницей.

РЕНЕ. Да - соучастницей голубя, маленького белого цветка в златокудрой пыльце. Я поняла, что была прежде не женщиной, а зверем, имя которому Добродетель... Вы же, матушка, и поныне - тот зверь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Такого о своей скромной персоне мне слышать еще не приходилось.

РЕНЕ. Нет? Ну так я вам повторю хоть тысячу раз. Вы - зверь Добродетели, своими клыками и когтями вы рвете Альфонса на куски.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ты, верно, шутишь! Это меня, меня рвут на куски. И мой мучитель - твой муженек с его белыми зубами и сверкающими когтями.

РЕНЕ. Нет у Альфонса никаких когтей! Лишь жалкие изобретения человеческого ума: кнут, нож, веревка да заржавленные орудия пыток. Для него все эти предметы - примерно то же, что для нас, женщин, белила, румяна, пудра, помада, духи, зеркальце. А у вас - клыки, дарованные самой природой. Ваши полные бедра, ваша высокая грудь, не увядшая, несмотря на возраст, - вот они, когти и клыки. Все ваше тело до кончиков ногтей покрыто острыми шипами добродетели. Каждого, кто приблизится к вам, вы

пронзаете этими
шипами, подминаете под себя, душите!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Не забывай: эта самая грудь вскормила тебя!

РЕНЕ. Помню. Во мне течет ваша кровь, и тело мое устроено точно так же.

Но груди мои из другого материала - они не скованы обетами и корсетом

благонравия и общественных устоев. Батюшка, должно быть, обожал вашу грудь -

ведь для такой четы благонравие было важнее, чем любовь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Не смей говорить гадости об отце!

РЕНЕ. Ах, я покусилась на ваши драгоценные воспоминания: как приятно

думать, что и в постели с собственным мужем продолжаешь оставаться членом

общества. Вместо того чтобы говорить о любви, вы, верно, восхищались

собственной безупречностью. И были вполне довольны, да? А ведь в вас,

матушка, была замочная скважина к той двери, что ведет к блаженству, а у

него был ключ. Стоило только повернуть ключ в замке!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Боже, какая мерзость!

РЕНЕ. Увы, ключ не подходил к замку. А вы еще и посмеивались: "Я не

желаю быть этим изогнутым ржавым ключом. А я не желаю быть какой-то

скважиной, жалостно скрипящей при повороте ключа". Вы всем телом - грудью,

животом, бедрами, - как осьминог щупальцами, прилепились к

благонравности. Добродетель, благонравие и приличия вы клали с собой в

постель, да еще урчали при этом от удовольствия. Как звери! А ко всему хоть

чуть-чуть выходящему за рамки устоев вы испытывали ненависть и презрение,

они стали для вас чем-то вроде обязательного и полезного для здоровья

трехразового питания. Все у вас было именно там, где надлежит: и спальня, и

гостиная, и ванная, и кухня. А вы расхаживали по своему

чинному владению и
рассуждали о добром имени, порядочности, репутации. И
даже во сне не
приходило вам в голову открыть ключом ту дверь, за которой -
бескрайнее,
усыпанное звездами небо.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это верно. Открыть дверь в
преисподнюю нам и в самом
деле в голову не приходило.

РЕНЕ. Поразительная способность - презирать то, чего не
можешь даже
вообразить. Это презрение висит над всеми вами огромной
сетью, а вы
почиваете в нем, словно в гамаке, и наслаждаетесь
послеобеденным сном. Ваши
груди, животы, бедра незаметно для вас самих обретают
твердость меди, а вы
знай полируете металлическую свою поверхность, чтобы она
сияла. Такие, как
вы, говорят: роза прекрасна, змея отвратительна. И вам
неведомо, что роза и
змея - нежнейшие друзья, по ночам они принимают облик друг
друга: щеки змеи
отливают пурпуром, а роза посверкивает чешуей. Увидев
кролика, вы
восклицаете: "Какой милый!" А увидев льва: "Какой
страшный!" Откуда вам
знать, что ночью, когда бушует буря, кролик со львом
сливаются в любовных
объятиях и кровь одного смешивается с кровью другого. Что
известно вам об
этих ночах, когда святое становится низменным, а низменное -
святым? Ваши
медные мозги отравлены ненавистью и презрением, вы отдадите
все, только бы
таких ночей вообще не было. Но знайте: если их не будет, даже
вам, вам всем,
придется распротиться со спокойными сновидениями.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. "Вам всем"? Это ты родной матери
так говоришь? Мать
никто не заменит!

РЕНЕ. Как же, "не заменит". Вы ведь сами страшно
гордитесь, что вы

такая же, как все, вполне заменимая. Вы добиваетесь, чтобы и я стала заменимой. Нет уж, "все вы" - самое подходящее обращение.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Невинный кролик, мерзкая гадюка, свирепый лев и хитрая лиса становятся одинаковыми в ночь, когда сверкают молнии. Это было известно и без тебя, тоже мне открытие. В свое время за такие вот ночи немало ведьм отправили на костер. Ты, Рене, распахнула эту твою дверь, за которой бескрайнее звездное небо, да и упала в бездну.

РЕНЕ. Как вы обожаете порядок, раскладываете каждый платочек и каждую перчатку на отведенную полку, в свой ящичек. "Невинный кролик", "мерзкая гадюка"... точно так же и людей вы хотите разложить по полочкам. "Добродетельная мадам де Монтрей", порочный маркиз де Сад".

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Каждый сам определяет, на какую полку ему ложиться.

РЕНЕ. Ну а вдруг землетрясение, и содержимое всех ваших полочек перепутается: вас швырнет на полку порока, а Альфонса - на полку добродетели?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. А нужно, чтобы каждая полка запиралась на ключик, тогда и землетрясение не страшно.

РЕНЕ. Посмотрите хорошенько в зеркало и призадумайтесь - на какой полке вам место. Кто, польстившись на громкое имя маркиза де Сада, отдал дочь в заклад? Кто, поняв, что родовой замок маркиза охвачен пожаром, принялся выкупать свое имущество обратно?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Да, и выкуп уплачен щедрый.

РЕНЕ. Все ваши деньги истрачены лишь на то, чтобы не предстать перед людьми в смешном и презренном виде.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Конечно. А кто же станет платить за то, чтобы над ним смеялись и издевались?

РЕНЕ. Вы - как шлюха, выкупающая из ломбарда заложненное платье. Выкупите - будете вполне довольны. О, эта ваша мечта о тихой и спокойной жизни! Сидеть в уютной комнате, завесив окна розовым шелком, и упаси Боже не выглядывать - что там происходит, на краю мира и даже еще дальше. А потом вы умрете, и единственной вашей усладой перед смертью будет мысль о том, что вы не дали ничему презренному и низменному себя запятнать. Есть ли на свете более дешевая, более вульгарная причина для гордости?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. А ты разве не умрешь?

РЕНЕ. Умру. Но не так, как вы.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Я надеюсь - уж я-то во всяком случае на костер попадать не намерена.

РЕНЕ. А я не намерена окончить свою жизнь как состарившаяся проститутка, которая скопила деньжонки на черный день и ударилась в благочестие.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рене, я тебя ударю!

РЕНЕ. Сделайте милость. Как вам понравится, если от вашего удара я вся сладострастно затрепещу?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. О-о, какое у тебя сделалось лицо...

РЕНЕ (делая шаг вперед). Какое?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (визгливо). Я боюсь! Ты стала так похожа на Альфонса!

РЕНЕ (улыбается). Графиня де Сан-Фон произнесла замечательную фразу: "Альфонс - это я".

ЗАНАВЕС

Действие третье

Апрель 1790 года.

Со времени предыдущего действия миновало тринадцать лет. Во Франции уже девятый месяц идет революция.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ (она сильно сдала). Рене!

РЕНЕ (сидит и вышивает; в ее волосах седина). Что?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Тебе не скучно?

РЕНЕ. Нет.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Тринадцать лет смотрю я, как ты складываешь в корзину провизию и отправляешься в тюрьму - относить Альфонсу передачу. Твое упорство поразительно, оно подавляет меня, я сдаюсь: в силу твоего чувства нельзя не поверить. Но еще больше поражает меня другое - за все тринадцать лет я ни разу не видела, чтобы ты томила и скучала. Вернувшись с одного свидания, ты сразу же с удовольствием начинаешь ждать следующего. Словно готовясь к пикнику, ты прикидываешь, что бы такое повкуснее приготовить.

РЕНЕ. Так оно и есть... Мне очень не хотелось, чтобы муж видел, как я старею. Однако, встречаясь со мной по два-три раза в месяц, он не замечал, как годы берут свое.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Но теперь-то уж всему конец. В прошлом месяце Учредительное собрание отменило тюремное заключение по именному королевскому указу. Законность и порядок, в которые я свято верила столько лет, умерли.

Скоро все злодеи, все умалишенные выйдут на свободу... Ты давно не была у Альфонса. Почему?

РЕНЕ. В том уже нет нужды. Теперь достаточно просто ждать - и он придет.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Резонно. Да, ты сильно изменилась.

РЕНЕ. Устала. И постарела. Да и потом, как не измениться человеку, когда меняется весь мир?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. И все же мне кажется, с тех пор как ты перестала таскать в тюрьму эти твои корзины с вареньем и разносолами

да увлеклась
вышиванием, вид у тебя стал скучный.

РЕНЕ. Это, наверное, весна виновата. Я так ждала ее когда-то,
парижскую
весну. Теперь же она приходит, бурная, как наводнение, а я
чувствую - она
уже не моя, принадлежит кому-то другому. Все вокруг
перевернулось вверх
дном, да и годы мои ушли. Чем дуться на весну, лучше уж сидеть
дома взаперти
и вышивать - вдруг весна улыбнется мне хоть из вышитого
узора.

Входит Анна.

АННА. Что это у вас - и Шарлотта не выходит? Неужто и она
отправилась в

Версаль с прочими трудящимися массами требовать хлеба?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Анна, ты? Что-нибудь случилось?

АННА. Пришла проститься. А еще лучше будет, если вы,
матушка, поедете
со мной.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Как - проститься? Куда ты? Что за
новости?

АННА. Мы с мужем уезжаем в Венецию.

РЕНЕ (в первый раз за все время поднимает голову). В
Венецию...

АННА. Нет-нет, сестрица. С тем путешествием, увы, ничего
общего. Муж

купил в Венеции палаццо, и мы срочно туда переезжаем.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. А как же ваш дворец, а должность
при дворе?! Все
бросить и уехать на чужбину?

АННА. Здесь оставаться опасно. Мой муж - человек
дальновидный, он
говорит, что пустые надежды аристократии на какие-то
перемены к лучшему ему
надоели. Да вы, матушка, знаете все и сами. Граф Мирабо
предлагал его
величеству эмигрировать, но граф Прованский был против. А
муж тоже считает,
что королю следовало бы уехать, пока не поздно.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. И все же его величество пока еще здесь.

АННА. Да, такого медлительного короля Франция еще не знала.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Пока король здесь, мы тоже должны оставаться в Париже.

АННА. Скажите, какая роялистка! Матушка, поймите вы - теперь не до глупостей. Это вам только кажется, будто буря улеглась, что ждет нас завтра - сказать трудно. Мужу привиделся ночью кошмарный сон, а наутро он решил: все, пора. Ему приснилась площадь Конкорд, превратившаяся в озеро крови.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Когда вокруг происходит такое, надо действовать очень осмотрительно - десять раз проверить брод, прежде чем соваться в воду. У меня, например, предчувствие, что все обойдется и меня ждет спокойная, тихая старость. Возможно, будь жив твой батюшка, и на нас обрушился бы гнев толпы - а так кому мы нужны? Наоборот, с тех пор как все перевернулось вверх дном, стало полегче - все забыли про историю с Альфонсом. Главное - не терять головы, не вставать ни на чью сторону, а жить себе да выжидать, чья возьмет.

АННА. Смотрите, матушка, кончите как графиня де Сан-Фон.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ (смеется). Скажешь тоже! Где уж мне удостоиться такой славной кончины.

АННА. Сегодня, кстати, ровно год. Как раз тогда в Марселе начались первые беспорядки.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Неужели все те слухи - правда?

АННА. Чем невероятнее слухи про мадам де Сан-Фон, тем они достоверней. Графине о ту пору прискучил Париж, и она отправилась в Марсель. По ночам, нарядившись портовой шлюхой, она завлекала матросов, а утром возвращалась в свой роскошный особняк и пересчитывала заработанные медяки. Специальный ювелир оправлял каждую монету в драгоценные камни.

**Графиня намеревалась
обшить этими медяками платье сверху донизу, а затем поразить
весь Париж.**

**Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Однако она ведь была далеко не первой
молодости - вряд
ли она стала бы появляться в свет в открытом платье. А чтобы
обшить монетами
закрытое платье, надо было, верно, ого-го как потрудиться.**

**АННА. И вот одной прекрасной ночью, когда графиня
караулила на углу
очередного клиента, началась заваруха. Нашу ряженую
шлюху увлекло
разбушевавшейся толпой, и она вместе со всеми стала распевать
песни.**

**В левом углу сцены появляется Шарлотта, одетая во все
черное. Она стоит
и слушает.**

**Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Знаю-знаю. "Всех аристократов на
фонарь".**

**АННА. Графиня пела "Аристократов на фонарь" громче всех
и маршировала в
самом первом ряду. Потом на толпу напала полиция и началась
паника, графиню
сбили с ног и затоптали насмерть. Когда настало утро,
бунтовщики подобрали
труп, положили его на выломанную створку двери и с плачем
и стенаниями
понесли по улицам. Графиня превратилась в Невинную
Жертву, в Народную
Богиню. Какой-то рифмоплет - такие есть в каждом квартале -
тут же сочинил
песню "Прекрасная шлюха", и все стали петь ее хором. Ни один
человек в толпе
и не подозревал, кого они несут. В сиянии утреннего солнца
мадам де Сан-Фон
была похожа на ощипанную курицу. Ее набеленное лицо,
покрытое пятнами крови
и синяками, впоследствии превратилось в красно-бело-синее
знамя революции.
Когда же белила потекли под горячими лучами солнца, люди,
пораженные,**

увидели, как на их глазах лицо молодой женщины превращается в морщинистую физиономию старухи. Впрочем, она так и осталась для них Прекрасной Шлюхой.

Никого не смутили даже дряблые ляжки, просвечивавшие сквозь разодранное платье. Труп протащили по всем улицам, а потом процессия направилась к морю.

Графиню опустили в волны Средиземного моря, синего от старости, черпающего силы в одной только смерти... Ну то, что именно с этих событий началась революция, вам известно.

Пауза. Шарлотта тихо уходит.

РЕНЕ. Так ты едешь в Венецию, к этому мертвому морю?

АННА (вздрагнув). Не говори так. Мы едем туда, чтобы жить, а не умирать.

РЕНЕ. Как тебе хочется жить. Как ты всегда ради этого хлопчешь. И такую ты была всегда. А на самом деле жизнь в тебя всякий раз вдыхает кто-то другой. Ну конечно, с тем путешествием в Венецию ничего общего нет. Ты ведь не ведаешь, что такое память, обрывки твоей жизни не связаны между собой ни единой нитью.

АННА. Ты хочешь, чтобы я все помнила? Не беспокойся, когда нужно, воспоминания к моим услугам. Только жить они мне не мешают. И знаешь, Рене, это у тебя нет воспоминаний. Ты всю жизнь, каждый день с раннего утра и до ночи, сидела уткнувшись лицом в белую стену. Если так долго всматриваться в недвижимую белую стену, начнешь различать на ней и темные пятна, похожие на засохшую кровь, и дождевые потоки, напоминающие следы слез.

РЕНЕ. Это верно, что я смотрела в одну точку. Только не в стену, а в стоячую воду омута - самого глубокого, какой только может

быть. Вот моя
доля.

АННА. Поэтому тебе и вспомнить нечего. Всегда - одно и то же.

РЕНЕ. Мои воспоминания подобны мухе, застывшей в янтаре. Это не блики, скольльзящие по вечно изменчивой водной ряби, как у тебя... Ты правильно сказала. Тебе воспоминания жить не мешают. А мне мешают. Всегда.

АННА. И еще как. К тому же вызывают муки ревности. Вот смотришь ты на мое лицо и читаешь в нем два воспоминания, особенно тебе ненавистные. Воспоминания о том, чего у тебя не было никогда: о Венеции и о счастье.

РЕНЕ. Венеция и счастье... Да, две эти мухи в янтаре не замуруешь. Я никогда не желала ни того ни другого.

АННА. Это ты теперь так говоришь.

РЕНЕ. Нет. Сейчас я знаю, чего я желала. В юности, кажется, я и в самом деле мечтала о том же, что и ты... О Венеции и о счастье... Но мухи, застывшие в моем янтаре, не имеют ничего общего ни с Венецией, ни со счастьем, - они страшны, несказанно, невыразимо страшны. Я не мечтала о таком в юности, даже представить не могла.

Но с годами постепенно я поняла. Когда происходит то, чего ты больше всего боялась, на самом деле исполняется твое неосознанное, сокровеннейшее желание. Только оно достойно чести стать настоящим воспоминанием, навеки застыть в кусочке янтара. Это плод, которым не пресытишься, вкуси его хоть сто тысяч раз.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ну-ну, Рене, бывает и по-другому. Иногда со старостью на душу нисходят мир и счастье. Когда неделю назад пришло последнее письмо от Альфонса, я почувствовала, как смягчилось мое сердце. Он

знает, что скоро
будет свободен, и все же не держит ни на кого зла. Даже меня
он прощает.

Пишет, что в тюрьме познакомился кое с кем из
революционных вожаков, и
обещает замолвить перед ними словечко, если у меня будут
неприятности. Вон
до чего дошло! Я всегда знала, что где-то в потаенной глубине его
души живет
чистый родник доброты.

АННА. Вы, матушка, тоже говорили много добрых слов,
когда готовили
западню для Альфонса.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. В свою доброту я и не верю. Но верю,
что другие люди
добры. Так как-то жить спокойней.

АННА. Ну так поверьте и в мою доброту. Я не требую,
чтобы вы
отправились в путь немедленно. Мы с мужем уезжаем
послезавтра - у вас еще
целых два дня. А если не решитесь теперь, то приезжайте в
Венецию после.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Спасибо, я не забуду твоей доброты.
Старики думают
медленно, так что не торопи меня, ладно?

АННА. Смотрите только не опоздайте.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Да-да, обещаю, я не стану дожидаться,
пока дела примут
скверный оборот. Ну а сейчас - прощай.

АННА. Прощайте... Матушка... Рене...

РЕНЕ. Прощай, Анна.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Я буду молиться, чтобы ваш путь
был безопасен.

Передавай поклон графу.

АННА. Передам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Шарлотта!

Шарлотта входит и провожает Анну со сцены.

Пауза.

Шарлотта!

Шарлотта появляется вновь.

ШАРЛОТТА. Да, мадам?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. У меня в доме, слава Богу, никакой беды не случилось.

А ты, никак, в трауре?

ШАРЛОТТА. Так точно, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. А, понимаю, - это траур по твоей прежней хозяйке, графине де Сан-Фон. Ведь сегодня годовщина ее смерти. Твоя преданность ее памяти весьма трогательна, однако, сколько мне помнится, ты терпеть не могла покойницу и сбежала от нее ко мне.

ШАРЛОТТА. Так точно, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Что ты заладила: "так точно" да "так точно"! Ты же не деревенская девчонка, только поступившая на службу. За девять месяцев после

взятия Бастилии все вокруг словно взбесились, а ты, наоборот, стала тише воды, ниже травы. С тех пор как голодранцы из Сент-Антуанского предместья, требуя хлеба, устроили марш в Версаль, ты изменилась. Что там у тебя на уме?

Ты двадцать лет прожила в моем доме, нужды ни в чем не знала, деньжонок поднакопила, так что вряд ли станешь маршировать по улицам с оборванцами.

Или тебя вдохновил пример графини де Сан-Фон? Смотри, как бы и тебя не постигла участь этой поддельной героини... Послушай, а может быть, именно об

этом ты и мечтаешь? О такой вот героической гибели, а?

ШАРЛОТТА (решительно). Так точно, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ (смеется). Ну тогда ладно. Бог с тобой, носи что хочешь. Раз твой траур и твоя скорбь тоже поддельные, я не возражаю.

ШАРЛОТТА. Благодарю, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Так, значит, ты любила покойную графиню?

ШАРЛОТТА. Так точно, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Больше, чем свою нынешнюю хозяйку?

ШАРЛОТТА. Так точно, мадам.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Ай-яй-яй, до революции ты со мной так разговаривать не смела. Все теперь стали такие честные, прямо беда... А-а, кто-то к нам в гости пожаловал.

Шарлотта выходит. Рене встает.

Шарлотта вводит баронессу де Симиан в монашеском одеянии.

Баронесса, вы? Сколько лет, сколько зим.

БАРОНЕССА (сильно постаревшая). Да, давненько у вас не была. День добрый вам обеим.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Что-нибудь случилось?

БАРОНЕССА. Меня пригласила Рене.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Да?

РЕНЕ. Спасибо за то, что пришли.

БАРОНЕССА. У ворот я встретила вашу сестру. Кажется, она уезжает в Италию?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Так, во всяком случае, она нам сказала.

БАРОНЕССА. Я рада, что вы, Рене, наконец решились. Я ждала от вас этого шага.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Решилась? На что решилась?

РЕНЕ. Матушка, я не стала с вами советоваться, а обратилась прямо к госпоже де Симиан. Я попросила принять меня в тетушкин монастырь.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ (пораженно). Ты? В монастырь? Хочешь удалиться от мира?

РЕНЕ. Да.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Ничего не понимаю... Извините, баронесса. Благодарю вас за доброту и участие, но, вы ведь понимаете, речь идет о судьбе моей родной дочери, и я должна... В первый раз об этом слышу! Да и как же - ведь со дня на день маркиз выходит на свободу...

БАРОНЕССА. Ваше удивление вполне естественно. Поговорите между собой, а

я, с вашего позволения, пройду в соседнюю комнату и подожду там. (Идет к правой кулисе.)

РЕНЕ. Пойдите!

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Рене...

РЕНЕ. Нет, пусть тетушка останется здесь. Я хочу, чтобы она все слышала. Двадцать лет я бегала к ней советоваться об Альфонсе, так что теперь секретничать просто глупо.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Да, конечно, но...

РЕНЕ. Прошу вас, тетушка, оставайтесь.

БАРОНЕССА. Ну, если вы настаиваете...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Раз вы обе заодно, я буду говорить без обиняков. Но прежде, будьте любезны, баронесса, объясните поподробней - о чем именно просила вас Рене.

БАРОНЕССА. Особенно рассказывать нечего. В последние месяцы Рене бывала у меня очень часто, мы много говорили. И я обещала свою помощь, если она твердо решит удалиться от мира. Вот и все.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Значит, когда ты перестала ходить к Альфонсу и вдруг так увлеклась вышиванием, ты готовилась к этому решению?

РЕНЕ. Нет, я уже очень давно думала об этом. Теперь мои мысли просто переросли в решимость.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Именно сейчас, когда должны освободить Альфонса?

РЕНЕ. Это было последним толчком, последней каплей. Прежде в моей душе боролись два желания - уйти от мира и встретиться с мужем. После каждого свидания я решала: "Все, следующая встреча будет последней, а потом ухожу". Но сердцу не хватало твердости... И все же каждое такое половодье мало-помалу углубляло новое русло реки.

БАРОНЕССА. Это Господь взирал на вас с небес, это он был вашей путеводной нитью. Вы - рыбка, выловленная Всевышним. Не

раз срывались вы с
крючка, но втайне всегда знали: рано или поздно вам не уйти.
Вы посверкивали
чешуей, плавая в бренном море суеты. Когда взор Божий,
подобно лучам
предвечернего солнца, падал на вас, вы вспыхивали
ослепительным блеском и,
трепеща, мечтали только об одном - поскорее быть
выловленной. Господь
вездесущ, его божественным очам несть числа, и каждое из них
обращено в мир.
Они бдительнее и неотступнее самого рьяного королевского
соглядатая, им
видны как на ладони потаеннейшие закоулки человеческих
душ. Господь
обладает неистощимым терпением, он ждет, пока заблудшие
души сами придут в
его сети, и лишь тогда препровождает их в свою сияющую
тюрьму, в свои
блаженные чертоги. стыдно признаться, но мне Божий
промысел открылся лишь
несколько лет назад, уже в преклонные годы. Раньше я лишь
изображала
набожность, лишь любовалась собственными добродетелями -
а это иссушает
душу. Есть воспоминания, которые и сегодня заставляют меня
краснеть. Сколько
же лет назад это было... Девятнадцать. Осенним днем в этой
самой зале
графиня де Сан-Фон рассказывала мне о вашем зяте. Неужели
миновало уже
столько лет! Девятнадцать... Потом вошли вы, мадам, - от
перенесенных
душевных мук ваше лицо обрело особый внутренний свет.
Наконец, приехала и
Рене - чистая, прекрасная, бесконечно печальная... Кажется,
все это было
вчера. А может быть, время, меняющее наш облик, тихо
вышло из залы, а мы
просто не слышали шелеста его одежд?.. Перед тем как
вы, госпожа де
Монтрей, присоединились к нам, графиня, помахивая
хлыстиком, рассказывала

мне о марсельских похождениях маркиза - простите, что говорю об этом. Слушая графиню (как молю я Бога, чтобы Он упокоил ее грешную душу!), я сотворяла крестное знамение, а сама чувствовала, что радужное сияние, дьявольское наваждение страшного ее рассказа завладевает мной. Признаться ли - я вся просто обратилась в слух, боясь пропустить хоть словечко... Уже одно то, что я сейчас так открыто могу говорить об этом, показывает, насколько ближе стала я к Богу. Теперь-то мне ясно: это самолюбование собственной чистотой и праведностью ввергло меня в соблазн, и грех был во мне, а не в поступках маркиза или рассказе мадам де Сан-Фон. Если б меня не одолела гордыня, я поняла бы: моя чистота и праведность - не более чем камешки на берегу реки, и нечего терзаться, если в лучах божественного солнца вспыхивают не они, а соседние. Я полагаю, что ныне и Рене избавилась от пут и обрела свободу. Только предназначенное ей испытание было в сотни раз труднее, поэтому перенесенные ею муки не сравнимы с моими.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Вы высказались. Позвольте и мне, женщине из этого, грешного мира, просто матери, тоже сказать Рене несколько слов. Я хотела бы, чтобы ты, прежде чем удалиться в мир молитвы, закончила свои дела и в нашем суетном мире. Прими его последнее причастие.

Баронесса де Симиан хочет что-то возразить, но госпожа де Монтрей перебивает ее.

Нет уж, дайте мне закончить. Каким бы ни был Альфонс, но разве теперь, когда он наконец обретает свободу, ты не хочешь разделить с ним остаток

жизни?

РЕНЕ. Но, матушка...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Погоди. Девятнадцать лет я твердила тебе: "Оставь его", но ты меня не слушала. Отчего же нынче ты вдруг так переменилась? Ведь я больше этому не противлюсь. Хочешь быть ему верной супругой - ради Бога. Но в монастырь-то зачем? Придворные связи Альфонса по нынешним временам не имеют никакой ценности, скорее даже опасны. Но, видишь, меня это не пугает, я согласна видеть его своим зятем... С другой стороны, если взглянуть на дело глазами Альфонса, - наконец пробил его час, и он может сполна рассчитаться за все удары, которые вынес.

РЕНЕ. И будет, матушка, совершенно прав.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Возможно. Но ведь в душе-то он человек не злой, я знаю. И, надеюсь, поймет, что все мои действия в конечном итоге были только ему на пользу.

РЕНЕ. Вам на пользу.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Это когда же я думала о своей пользе? Лишь о чести и репутации рода де Садов, о сохранении твоего доброго имени. Сейчас весь мир перевернулся, род, имя уже ничего больше не значат, о приличиях все забыли. Нечего больше защищать, так что нет никакого смысла держать Альфонса под замком. Пускай теперь машет себе кнутом сколько влезет, щелкает своей бонбоньеркой. Мир взбесился, никто ему слова не скажет. Откровенно говоря, я и сегодня считаю твоего муженька распутником и негодяем. Но теперь всем заправляют безумцы, преступники и бродяги. Альфонс прекрасно будет смотреться в этой компании. Может, он даже станет спасителем нашей семьи.

РЕНЕ. Я вижу, вы намерены его использовать.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Намерена. И ты должна мне в этом помочь. У Альфонса ведь добрая душа.

РЕНЕ. Да, он всегда был просто добрым ребенком. Златокудрым, с широко раскрытыми глазами. Иногда шалил, но всякий раз искупал провинности лаской и нежностью. Я так и вижу перед собой его стремительный, как изумрудная ящерка на весеннем лугу, взгляд.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Госпожа де Симиан, я думаю так. В нынешнем хаосе, именуемом революцией, бесстыдные выходки Альфонса могут быть сочтены весьма похвальными - уже хотя бы потому, что они бросали вызов обществу. Негодование, которое они прежде вызывали у всех порядочных людей, станет лучшим доказательством невинности Альфонса, а заключение в королевскую тюрьму теперь почетней любого ордена. Вон как все перевернулось. Когда золото не в цене, медь и даже олово чувствуют себя благородными металлами - только лишь потому, что они не золото... Если Альфонс будет вести себя умно, кто знает, может, ему суждено остаться единственным аристократом, не вздернутым толпой на фонарь. Былые злодеяния маркиза спасут от гибели и его, и всех нас. В самой большой опасности сейчас такие люди, как я, люди с безупречной репутацией... И все же это ничего не меняет - Альфонс как был отребьем, так им и остался. Но когда мир сходит с ума, в цене лишь такие, как он, - распутники и лиходеи... Поразительно, до чего мелкими и незначительными кажутся сегодня грехи Альфонса, из-за которых я так мучилась когда-то. Подумаешь, выпорол кнутом каких-то девок. Ну, пролил несколько капель крови. Накормил дурацкими безвредными пилюлями.

(Смеется.) Ну, чуть
не прикончил одну из моих дочерей - да хоть бы и обеих.
Оказывается, тот, с
кем я воевала двадцать лет, - добрый ребенок и все это были
милые шалости.

БАРОНЕССА. Не стоит так говорить, мадам. Не важно, с
кем вы воевали,
главное, что вы отважились на эту войну. Вы боролись не с
Альфонсом, а с тем
злом, которое он олицетворял. Если вы не поймете этого, то
можете, подобно
Альфонсу, утратить в себе Бога. Что бы ни происходило в
окружающем мире,
Господь всегда ясно показывает нам, что хорошо, а что дурно,
- черта,
разделяющая Добро и Зло, подобна линии, которую дети
проводят мелом по
мостовой.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Вы так полагаете? А по-моему, эта
линия скорее походит
на границу моря, перемещающуюся по мере приливов и
отливов. Альфонс как раз
оседлал полосу прибоя - одной ногой он всегда в воде и
шарит по дну,
подбирает кроваво-красные ракушки и длинные, как кнуты,
водоросли.

РЕНЕ. Матушка, вы заговорили прямо как Альфонс.
Может быть, вы и в
самом деле легко найдете с ним общий язык.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Ох, Рене, как же я устала. И ты тоже -
только этим
объясняю я твое неожиданное решение.

РЕНЕ. Вы устали? От кого - от Альфонса или от самой себя?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Не будь такой злой, Рене. Мы обе
очень устали - так
давай возьмемся за руки и будем утешать друг друга, помогать
друг другу.

БАРОНЕССА. Рене, ваша матушка заплутала во тьме бытия,
сбилась с пути,
который связывает наш мир с Богом. Вы должны прийти ей на
помощь, спасти ее.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЁЙ. Не нужно мне, чтобы ты меня
спасала. Скажи лучше,

правда ли, что Альфонс в Венсенском замке сдружился с самим Мирабо, чья звезда нынче сияет так ярко?

РЕНЕ. Нет. Они, кажется, все время ссорились.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Ах так, значит, они были до того близки, что даже ссорились? Прямо как мы с Альфонсом.

РЕНЕ. Если в вас есть хоть капля гордости, вы не станете просить помощи у того, кому доставили столько зла...

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. А кто просит? Он сам написал об этом в письме. Мол, если у меня возникнут неприятности, он замолвит за меня словечко перед нынешними заправилами.

БАРОНЕССА. Он так написал? Благородное сердце! Воскрес тот чистый, златокудрый мальчик, которого я знала. Маркиз возлюбил врагов своих и простил им все. Должно быть, он раскаялся во всех своих прегрешениях. Кончилась кровавая ночь, и в душе грешника зажглась божественная заря. Как я понимаю ваши чувства, милая Рене. Вы распознали в Альфонсе первые проблески чудесного сияния и решили уйти из суетного мира, чтобы и самой приблизиться к источнику священного огня. И повести за собой душу маркиза, ведь правда? Увлеченный вашим примером, Альфонс не позволит, чтобы зажегшийся в нем огонек угас, станет лелеять его и последует, непременно последует за вами. Вы оба ступите в край, озаренный беспредельным сиянием. Рене, вы воистину зеркало добродетели для всех женщин этого мира. И вы займете истинно высокое, достойное ваших совершенств положение Христовой невесты. За свою долгую жизнь я видела разных женщин, но ни одна из них не была столь добродетельна, как вы.

РЕНЕ. Но, тетушка...

БАРОНЕССА. Что, дитя мое?

РЕНЕ. Вы правы, отказаться от мужа и от мира меня и в самом деле заставило сияние, но... Как бы вам объяснить... Это не то сияние, которое имеете в виду вы.

БАРОНЕССА. Как так?

РЕНЕ. Чудесное-то оно чудесное, это сияние, только источник его несколько иной...

БАРОНЕССА. О чем вы? Разве может у чудесного сияния быть иной источник, кроме Бога?

РЕНЕ. Может. Впрочем, я не знаю - вдруг и в самом деле источник один и тот же. Просто свет отразился от чего-то и его лучи дошли до меня с противоположной стороны.

БАРОНЕССА (встревоженно). Это с какой такой противоположной?

РЕНЕ. Я и сама не вполне понимаю. Знаю только одно: свет забрезжил после того, как я прочитала страшную книгу, присланную Альфонсом из тюрьмы. Он сам написал ее и назвал "Жюстина, или Несчастья добродетели". Получив ее от Альфонса, я вначале не ждала ничего дурного - ведь я не читала раньше ни одного из его сочинений. В книге описаны приключения двух сестер: Жюльетты - старшей, и Жюстины - младшей, лишившихся родителей и вынужденных скитаться. Все в этой истории перевернуто с ног на голову: на младшую сестру, свято хранящую добродетель, обрушиваются одно за другим страшные несчастья, а старшая, ступившая на стезю порока, осыпана дарами судьбы. Мало того, гнев самого Господа обрушивается не на распутную Жюльетту, а на невинную Жюстину, погибающую самым жалким и нелепым образом. Она имеет чистую душу и придерживается самой высокой нравственности, но вечно

попадает в постыдные
ситуации, подвергается унижениям, ей отрезают пальцы,
выбивают зубы, ставят
позорное клеймо, без конца то избивают, то похищают, и в
завершение всего,
когда по ложному обвинению Жюстину должны казнить, спасает
ее не кто иной,
как погрязшая в грехе старшая сестра! Но не подумайте, что
несчастной
Жюстине улыбнулась удача, - ее ждет бессмысленная и
страшная смерть от удара
молнии... Вот что, оказывается, писал Альфонс день за днем,
ночь за ночью!
Зачем, для чего? Тетушка, разве не ужасный, смертельный грех
такое творение?

БАРОНЕССА. Грех, да еще какой. Не только свою душу
осквернить, но и
чужие души ядом отравить. Это страшный грех.

РЕНЕ. Какой же грех тяжелее - написать такую книгу или
пороть до крови
проституток и нищенок?

БАРОНЕССА. Оба одинаково тяжелы. Зло, содеянное в
душе, столь же
греховно, как содеянное наяву.

РЕНЕ. А каков, по-вашему, Альфонс? Понесший кару от
людей за свои
поступки, лишенный возможности творить зло в жизни, он
продолжает творить
его в своей душе.

БАРОНЕССА. Монастырский устав, дитя мое, изгоняет в
равной степени
грехи и содеянные, и помысленные. Зло погибает там,
лишенное корней. А
тюрьма - дело другое. Альфонс не может там совершать
злодейство, но он
вцепился в корни греховности, уцелевшие в его сердце.

РЕНЕ. Нет, это не так! Альфонс, тот Альфонс, которого я
знала прежде,
ушел от меня, скрылся в иной, неизвестный мне мир.

БАРОНЕССА. Ты имеешь в виду преисподнюю?

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Господи, ну сочинил он какие-то там
дурацкие сказки,
так что с того? Когда-то и я придавала много значения

подобной ерунде,
считала, что сочинительство зловредных книг хуже любого преступления, - то,
по крайней мере, раз совершено, да потом и забыто. Но сейчас я думаю иначе.

Книгу достаточно бросить в огонь, и от нее останется лишь кучка пепла.

Преступление - это то, что оставляет след. Книга же, если никто ее не прочел, следа не оставляет.

РЕНЕ. Если никто ее не прочел? Но ведь я-то прочла.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Всего один человек, к тому же жена сочинителя.

РЕНЕ. Да, один человек, но зато - жена. Эта злосчастная Жюстина -

добрая, ранимая, печальная, нелюдимая, так не похожая на ветреную сестру
стыдливостью и целомудрием... Полудетское лицо, огромные задумчивые глаза,

белоснежная кожа, хрупкая фигура, тихий и грустный голос... Вам не кажется,

что Альфонс нарисовал мой портрет - какой я была в девичестве? И еще я

подумала: уж не для меня ли написал он историю женщины, которую добродетель

обрела на несчастье и гибель? Помните, матушка, тринадцать лет назад, в

этой самой комнате, когда я затеяла с вами ту постыдную перебранку, я еще,

вслед за графиней де Сан-Фон, сказала: "Альфонс - это я".

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Еще бы мне не помнить, до сих пор так и слышу эти твои слова: "Альфонс - это я".

РЕНЕ. Так вот - я ошибалась. Я сказала совсем не то, что следовало.

"Жюстина - это я", - вот что говорю я теперь. У

Альфонса в тюрьме было достаточно времени для раздумий. Он писал, писал

и в конце концов посадил меня в темницу своего романа.

Меня, живущую на

воле, он всю без остатка запер в мрачный плен. Из-за Альфонса вся моя жизнь,

все мои бесчисленные страдания обернулись тщетой и тленом.

Оказывается, я
жила, действовала, горевала, рыдала лишь ради того, чтобы
попасть в некую
страшную сказку! О-о, лишь прочтя ее, я впервые поняла,
чем занимался
Альфонс все эти годы в своей камере. Бастилию захватили и
разрушили извне, а
он свою тюрьму взорвал изнутри, и без всякого пороха. Сила его
воображения
разнесла каменные стены в прах. Можно сказать, что после
этого он сам, по
доброй воле, предпочел оставаться в камере - он все равно был
свободен. Мои
многолетние терзания, подготовка побега, королевский
эдикт,
мздоимцы-тюремщики, прошения и петиции - все было
впустую, все было ни к
чему. Этот человек, не удовлетворившись грехами плоти,
которые неспособны
насытить душу, решил воздвигнуть некий нетленный Храм
Порока. Не единичные
злодеяния, а настоящий кодекс Зла; не деяния, а Догмат; не
одна ночь
греховных наслаждений, а бесконечная Всенощная, переходящая
в вечность; не
рабство кнута, а Царство кнута - вот что замыслил он создать.
Он, который
испытывал блаженство лишь рая и разрушая, кончил тем,
что пришел к
созиданию. В нем зародилась некая неясная субстанция,
некая чистейшая
эссенция Зла, и образовала совершенный кристалл Зла. А мы с
вами, матушка,
живем в мире, созданном маркизом де Садам!

БАРОНЕССА (крестится). Что вы такое говорите!

РЕНЕ. Я следовала повсюду за душой Альфонса. Я следовала
повсюду за его
телом. Я всегда была там, где был он. И что же! Внезапно его
руки обрели
крепость стали и сокрушили, раздавили меня. У этого
человека больше нет
души. Тот, кто написал такое, не может иметь человеческую
душу. Это уже

нечто совсем иное. Человек, отказавшийся от своей души, запер
весь мир людей
в железную клетку, а сам похаживает вокруг да знай себе
ключами позвякивает.
И, кроме него самого, нет больше ключей от этой клетки ни у
кого на всем
белом свете. Мне этот замок уже не открыть - никогда. И нет сил
даже на то,
чтобы просовывать меж железных прутьев руки и молить о
милосердии... А по ту
сторону решетки я вижу всех вас - матушку, вас, мадам,
Альфонса. Как хорошо,
привольно вам там, на свободе! А он - он растопырил свои
длинные руки так
широко, что достает до самого края Земли, до самого предела
времен; он сгреб
целую гору из Зла, забрался на нее и пальцами вот-вот
коснется самой
вечности. Альфонс намерен влезть по чердачной лестнице прямо
в рай!

БАРОНЕССА. Господь разрушит его жалкую лестницу.

РЕНЕ. Нет. Как знать, быть может, Господь сам поручил
Альфонсу эту
работу. Вот я и хочу провести остаток дней в монастыре, чтобы
никто не мешал
мне расспросить Бога как следует.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Так ты все-таки...

РЕНЕ. Да, это решено.

Г-ЖА ДЕ МОНТРЕЙ. Даже если Альфонс придет сюда? Твой
муж, которого ты
так ждала целых девятнадцать лет?

РЕНЕ. Это не изменит моего решения. Альфонс... самый
странный из людей,
которых мне довелось видеть в жизни. Из тьмы злодейства он
извлек сияние, из
мерзости и грязи сотворил возвышенное - он выковал
роскошные доспехи,
достойные его громкого имени, и обратился в рыцаря без
страха и упрека.
Лиловое свечение, исходящее от Альфонса, озаряет
окружающий мир, и доспехи
рыцаря тускло мерцают в этом таинственном свете. На ржавой
от крови стали -

причудливые узоры, арабески из роз, фестоны из вервий.
Огромный щит раскален
докрасна, он цвета обожженной женской кожи. Рогатый шлем из
чистого серебра
окружен нимбом страданий и стонов. Рыцарь прижимает к устам
свой меч, досыта
напившийся крови, и торжественно произносит слова обета.
Золотые волосы,
спадая из-под шлема, обрамляют мертвенно-бледное, подобное
лучу света лицо.
Несокрушимые латы похожи на замутившееся от дыхания
серебряное зеркало.
Когда рыцарь, снимая кованую рукавицу, своей белой и тонкой,
почти женской
рукой касается чьего-нибудь чела, самый жалкий, самый
обездоленный из людей
обретает мужество и следует за своим господином на поле брани,
над которым
уже занимается заря. Рыцарь не идет - он летит по небу. А
после кровавой
битвы на широком нагруднике его серебряного панциря
начинается беззвучный
пир миллионов павших. От рыцаря исходит холодная как лед
сила, под чарами
которой забрызганные кровью лилии опять становятся белее
снега. А белый конь
воина, весь в алых пятнах, расправив широкую, как бушприт
фрегата, грудь,
взлетает в утреннее небо, рассекаемое вспышками молний. И
небо рушится,
неудержимым потоком разливается по нему божественное
сияние, от которого
слепнут все, кто наблюдал чудесное зрелище. Альфонс... Быть
может, он - дух
этого лучезарного света?..

Входит Шарлотта.

ШАРЛОТТА. Его светлость маркиз де Сад. Прикажете
просить? Всеобщее
молчание.

Так просить или как? Г-жа де Монтрей. Рене... Баронесса.
Рене...

РЕНЕ (после паузы). Шарлотта, а как он выглядит?
Шарлотта. Да он же тут, за дверью. Привести? Рене. Я спрашиваю, как он выглядит?

ШАРЛОТТА. Так переменялся - я насилу узнала. Он в черном плаще, на локтях - заплаты, ворот рубахи весь засаленный.

Поначалу, грех сказать, я его за старика нищего приняла. И потом, его светлость так располнел - лицо бледное, опухшее, сам весь жирный, еле одежда на нем сходится. Я прямо думала - в дверь не пройдет. Ужас до чего толстый! Глазки бегают, подбородок трясется, а чего говорит, не сразу и разберешь - зубов-то почти не осталось. Но назвался важно так, представительно. "Ты что, - говорит, - Шарлотта, никак, забыла меня? Я - Донасьен Альфонс Франсуа маркиз де Сад".

Все молчат.

Рене. Отошли его прочь. И скажи: "Вам никогда больше не увидеться с госпожой маркизой".

ЗАНАВЕС